

НАТАЛЬЯ МАР

16+

ЛИБЕЛЛОМАНИЯ:

ЗИМАРА

Кайнорт Бритц

Наталья Мар

Либелломания: Зимара

«Автор»

2021

Мар Н.

Либелломания: Зимара / Н. Мар — «Автор», 2021 — (Кайнорт Бритц)

Завершающая часть цикла о Кайнорте Бритце. Опасность, исходящая от "Закрытого клуба для тех, кто" на снежной Зимаре, такова, что теперь даже автор рискует жизнью. В битве безумных охотников против ледяной хтони Эмбер и Каю предстоит сразиться по разные стороны, но рука об руку. За её дом, за его дом, за их общий дом. Но как быть, если паук и стрекоза связаны клятвой убить друг друга? Забыть, как оба умылись кровью, - невозможно, нельзя и неправильно. Чтобы выбраться из красных коридоров, леди и джентльмену полагается прежде стреляться, а уж после - говорить по душам. А под конец кто-то один будет собирать вечность из осколков ледяных бриллиантов.

© Мар Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава -21. Песцы Зимары	8
Глава -22. Psychomo sapiens	17
Глава -23. Дверь открывается на себя	23
Глава -24. Норман против ненормальных	31
Глава -25. Четвёртое тело Платона	41
Глава -26. Пыхлёбка из полымяса	52
Глава -27. Скриба Кольщик	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталья Мар

Либелломания: Зимара

Часть

2.

И

время

собирать

Oh girl, we are the same

We are strong and blessed and so brave

V. Valo

Это только кажется, что вселенная ничья. И что до вольных, бескрайних её просторов никому за пределами свалки космического мусора нет дела. Если кто-то думает, что, потерпев крушение на полудохлой луне возле какого-нибудь мирка класса Т, может объявить себя её королём, первое, с чем он столкнётся, разумеется, после чужеродной инфекции или кислотных смерчей, это повестка от зам-вице-мультивира (это что ещё за хрен, возмутится новоявленный самодержец) с требованием зарегистрировать королевство в Бюро легитимизации-юридизации чрезвычайных интерзвёздных законов. Или Бюро ЧИЗ, как с недавнего времени (лет эдак полтора миллиарда назад) разрешили сокращать в официальных бланках, к вящей радости секретарей тех рас, у которых от природы меньше трёх рук на все эти формуляры.

Бюро ЧИЗ завелось как бы само собой, словно мышь в грязном белье, только наоборот: от избытка прилежности и аккуратности, как только первая высокоинтеллектуальная цивилизация сожгла другую и стала счастливой обладательницей обугленного булыжника без признаков жизни и атмосферы. И дабы никто из мирных соседей не позарился на колониальные уголья триумфатора, пока он, одухотворённый своим величием, отправился на поиски новых девственных экзопланет, чтобы одарить их светом мощностью десять мегаджоулей на метр квадратный, в присутствии достойнейших мужей был оформлен первый официальный акт планетарного состояния. С голографической печатью. Под конец красовалось примечание, что в случае нарушения границ дозволенного виновник берёт на себя ответственность за неисполнение межзвёздных актов, а следом перечислялись разные связанные с этим невесёлые перспективы. Что под этим подразумевалось, никто толком не знал, но туманная формулировка со словом «ответственность» действовала на братьев по разуму как на двоечника – упоминание одноклассницей брата-десантника на первом свидании. Никто не хотел быть первопроходцем. В широком смысле слова.

Это уже гораздо позже Бюро ЧИЗ обзавелось карательными полномочиями силами самих подписантов. Превратило выпуклый мир в двухмерный, сплющило пресс-папье и уместило на бланках и формулярах. Карателями подвизались все расы, которые развились до такой степени, чтобы понимать язык бюрократии. Империи, альянсы и федерации отдали в жертву канцелярскому чудищу по одному клерку-девственнику, и вскоре Бюро достаточно было анонимной кляузы от руки, чтобы натравить одни миры на другие, если какой-нибудь вшивенький астероид отступит от подпункта подпараграфа. Злополучная Межзвёздная конвенция, запретившая военные пытки, была тоже их тентаклей делом. Все слишком поздно сообразили, что погибели можно было избежать, демонстративно плюнув на бланк. На самую первую личинку бланка. Плюнуть вонючей слизью. Но чем выше цивилизации забирались по ступеням развития, тем благоговейнее и добросовестнее относились к формальностям. В конце концов, они ведь не какие-нибудь дикари. Даже Хмерс Зури в своё время посчитал своим долгом уведомить Бюро о том, что-де узурпировал власть такого-то числа по такому-то адресу. Что уж говорить о совестливых рептилоидах империи Авир. Так Бюро, словно беспредельный кракен, связало

все свободные миры путами страха взаимной ответственности и желанием спихнуть её друг на друга.

Стало быть, вселенная плоская, и Бюро ЧИЗ владеет ею. Только тсс.

* * *

Рейне Ктырь провёл рукой по ржаво-рыжим волосам и медной щетине. Могло показаться, что он развалился по-хозяйски в любимом кресле, только слишком неподвижной и напряжённой была поза. Он прислонился к плетёной спинке, но никак не мог на неё опереться. Потому что на самом деле это было и не кресло вовсе.

Система связи, которую использовали китообразные гуманоиды-фалайны, называлась иллюверосеть. Иллюверофон выхватывал образы абонентов и помещал их вместе в заранее выбранную эфирную локацию. То могла быть иллюзия ресторана для двух влюблённых, когда они скучали в разлуке, или морского побережья для посещения супруга в тюрьме, или необитаемого острова для межгалактического симпозиума.

Рейне пришлось хорошенько спрятаться, чтобы выйти на связь, но в стенах Френа-Маньяны тем вечером просто невозможно было уединиться. Поэтому он будто бы сидел в уютной плетёной беседке на яхте посреди океана, а на самом деле ощущал под собой треснувший ободок старого унитаза в бывшем женском крыле отделения шоковой терапии. Теперь всякий раз, когда Рейне пытался принять удобную позу, крышка за спиной дребезжала о сливной бачок. Эти звуки прорывались в эфир, создавая жалкое впечатление.

После разговора из памяти иллюверофона ещё надлежало выместить информацию о собеседниках Ктыря, а лучше уничтожить прибор и распечатать новый в следующий раз. Потому что следы. Следы – на планете, где нельзя было шагу ступить, чтобы не оставить их на снегу – с недавних пор стали главной заботой самопровозглашённого короля Зимары. Рейне с ужасом заметил, что иллюверофон предательски обрезал ему ступни, копируя туловище на корму парусной яхты, но там уже стремительно сооткался образ собеседника. Озабоченный фалайн начал без предисловий:

– Денег не хватит. Не хватит и тех, что вы гипотетически успеете добыть к сроку, даже если отдадите их все, если намерены копать в том же темпе. Затея оказалась труднее, чем мы ранее предполагали.

Между ним и Рейне мелькали строчки переводчика. Фалайны свистели на частоте, недоступной уху Ктыря. Это были гуманоиды настолько далёкого родства по отношению к эзерам, что Рейне с трудом одёргивал себя, чтобы не пялиться. В кресле напротив поджал хвост покрытый чёрными перьями дельфин с чересчур подвижными плавниками. И мясистым хоботом, который служил увлажнителем воздуха для нежных лёгких. Эта раса находилась в разгаре трудной принудительной эволюции, потому что всерьёз нацелилась вернуться из воды на сушу и избавиться от досадной ошибки прародителей. Силами природы это было практически невозможно, вот разве что силой разума. Рейне ненавидел отвлекаться на субтитры. Но механическая начитка вечно перевирала ударения. Наверняка, думал он, фалайн тоже видит напротив себя редкого уродца по меркам их расы. Но на Ктыря и свои пялились, а всё из-за густых веснушек, покрывавших его с головы до ног и плававших тем ярче, чем сильнее он волновался или выходил из себя. Прямо сейчас – и Рейне даже видел их на кончике длинного носа – веснушки горели просто возмутительно:

– Но ведь нужные люди уже проникли в комиссию Бюро, которая будет регистрировать присоединение Урьюи к империи?

– Проблема не в этом. Оказалось, система безопасности императора Эммерхейса куда сложнее. Необходимо внедрить сетевых наноагентов, завербовать техников на Ибрионе.

– На Ибрионе! – ошарашенно подскочил в кресле Ктырь и прищемил себе бедро в реальности ободком унитаза. – А вы точно меня не дурите?

– Вы, кажется, не понимаете, – беззвучно возразил фалайн, и даже если он воскликнул, как показалось, переводчик просто бросил в лицо Рейне сухой текст. – Император Эммерхейс – робот. Он не относится к категории живых организмов ни в одной системе бионики. Он – не просто машина в алмазной короне, его *цифровая личность* сродни гаранту власти независимо от того, жива или нет его сиюминутная оболочка. Улавливаете?

– Да уж как-нибудь.

– И с недавних пор, после войны против Браны, он сохраняется на нескольких серверах всякий раз, когда отправляется дальше сортира. Мы этого не знали. А теперь уже поздно отказываться. Любая его копия, даже самая битая, но прошедшая личностный тест, будет иметь те же полномочия, что и он сам. К сожалению, в этом с империей солидарны все миры, и они её поддержат. Если не завербовать ибрионцев, всё, что вы... мы тут организовали, окажется зря.

Рейне молчал с болезненным, он так чувствовал, выражением на лице. Целое мгновение он был готов отказаться от плана, но сразу внутренне отхлестал себя по щекам. Потому что они уже подвизали слишком много людей, живых и мёртвых. В конце концов, у Ктыря были союзники, и грязную работу они взяли на себя. А назад уже никак, состав летел под откос. Фалайн только подтвердил его страхи:

– Нам придётся пойти на жертвы среди агентов, понимаете? Во время подписания в Бюро, а вероятно, и до. За сколько камушков вы бы сами готовы были так подставиться? – он направил влажный кончик хобота на Рейне. – Нужно больше алмазов.

– Я уже разрабатываю самые доходные жилы!

– Этого недостаточно, Рейне. И чистота в последних партиях оставляет желать лучшего. К тому же, по вине ваших добытчиков, которые ринулись тратить свои доли раньше времени, алмазы падают в цене. Потребуется почти столько же, сколько уже переслали.

– Мы на пороге открытия жирной и кристально чистой жилы, – горячо пообещал Ктырь. – Дайте мне пару недель.

– Но это крайний срок. Через пятнадцать стандартных суток император летит в Бюро ЧИЗ. Рейне, если не будет гарантии насчёт алмазов, придётся свернуть вашу лавочку, так, кажется, у вас говорится?

– Это вы к чему?

– В случае неудачи вам придётся избавиться от всех членов Клуба, которые в курсе сделки.

– Алмазы будут в срок, – отрезал Ктырь и вырубил иллюверофон.

Обшарпанные стены женского туалета сдавили его, как в гробнице. Воняло плесенью и собственным адреналином. Он-то думал, уже всё! Ан вон как, значит, они чуть ли не в ловушке. В том, чтобы после провала избавиться от своих, было ещё полбеды. Рейне понимал, что немедленно после этого фалайн, или кто там был его тайный патрон, избавится и от него тоже. Ктырь понятия не имел, как подстегнуть добычу алмазов, не привлекая внимания к планете. Их ещё не раскрыли только потому, что Клуб действовал исключительно своими силами. Но этот шамахтон... Зимара, почуяв грабёж, всё чаще портила погоду и качество алмазов, крапила их, дробила. И сладу с ней не было никакого.

Мысли Рейне заполнил рёв канализации за спиной. Бачок дрогнул, выблевал ржавый фонтан и долго не мог уговориться, отфыркиваясь и посылая тухлые брызги в спину алмазного короля.

Глава -21. Песцы Зимары

После всего...

После всего меня заперли в темноте. Потом явился Стрём... Помню, он пришёл на задних лапах. Моё набитое горем нутро было переполнено воспоминаниями, которые скрутились в узел из крови, карминели, сливок, каблука, самоцветов, белых носков и блестящего рычага, и вместить события следующих часов просто уже не могло.

Стрём погрузил меня в воланер за шкирку, и два или три обморока спустя вытолкнул наружу. Холод схватил за горло, стиснул голову. От воланера до проходного корпуса какого-то здания было несколько шагов, но они действовали как ледяная плётка. Босиком, в камерке, где решётки на окнах покрылись инеем даже изнутри, я дрожала одна. Табличка на стальной двери могла повергнуть в паралич:

ЛИКВИДАЦИЯ САНКЦИИ ОБ ОТМЕНЕ ПОСЛАБЛЕНИЯ РЕСТРИКЦИИ СДЕРЖИВАЮЩИХ МЕР НА ОГРАНИЧЕНИЕ ВХОДА ВРЕМЕННО ПРИОСТАНОВЛЕНА!

Пока я силилась сообразить, можно всё-таки входить или нет, с той стороны появился эзер. Вернее, я так решила, потому что его лицо прикрывал хромосфеновый череп. Он был едва ли с меня ростом, ослепительно лыс и одет в строгий безликий костюм. И держал гибкий лист отчётного планшета. С моей стороны прозрачный экран показывал лишь закодированную белиберду.

– Где я?..

Молчание было первым вариантом ответа, и я угадала. Пихая под рёбра, он просто вывел меня из морозильника в бокс побольше. Яркий свет лёг на плечи, выдавливал глаза, пока эзер перебирал формуляры. Я попыталась ещё:

– Это тюрьма?

Он молчал. Помещение было похоже на всё что угодно и ни на что сразу: безликое, как склад контейнеров для контейнеров. Покрутив головой, я наткнулась только на табличку мелкими, как муравьи, буквами:

« критическое снижение наращивания убыли отрицательного прироста температуры! »

– Это тюрьма, да?!

Голос треснул на морозе, от ступней на холодном полу вверх выстреливали импульсы. В один прекрасный момент я испугалась, что совсем не чувствую ног, и рухнула на колени. Эзер и ухом не повёл. Это было у них в порядке вещей, чтоб у новеньких отказывали конечности? Достал из заднего кармана металлическое яйцо и, подбросив легонько, отпустил. Прибор взлетел и завис у меня над головой. Яйцо треснуло, и, вывернувшись изнанкой, стало небольшой механической рыбой. Она кувыркалась точно надо мной, будто заключённая в невидимый круглый аквариум, уродливая и кривоzubая.

– Латимерия, значит, – буркнул эзер. – Склонность к побегу, а ведь так и не скажешь.

Значит, тюрьма. Из плавников латимерии вытянулись гибкие витые кабели и схватили мои запястья, шею и лодыжки. И вздёргнули с пола на ноги. Хватка у этих кабелей была крепкая, точно у клешней. Навернулись слёзы от страха. И от злости на себя за то, что не только не сопротивлялась и не спорила, но даже не помышляла. Я просто трусила и болталась марионеткой. Только бы сказали поскорее, что меня ждёт...

– Нет пометки о диастимагии, а ошейник с диаблокатором, – задумчиво и лениво бросил лысый куда-то наверх, моей латимерии. – Бардак. Неужели нельзя оформить по протоколу?

– Я а... а-а-а!

Хотела сказать «аквадроу», но клешня пришла в движение. Заломила мне руку за спину, а голову откинула назад. Ошейник на горле щёлкнул и больно упал на босую ногу. Сквозь слёзы перед глазами возникла тросточка с проблесками молний на конце. Эзер помахал ею передо мной и почти коснулся своей ладони. Руку скрутило сильнее, я закричала в потолок. А эзер пробормотал:

– Не суид.

О, а я бы хотела. Только будь я суидом, он бы ткнул разрядом не в ладонь себе, а в глаз. Он сделал пометку в планшете, и латимерия вернула меня в положение куклы на витрине. Я открыла рот, чтобы произнести «аквадроу», но чувствовала себя сильно заторможенной и опять не успела. Конец трости ткнулся мне в плечо. Меня передёрнуло, но витые кабели не дали повалиться.

– Не бумеранг, – по слогам устало выдохнул садист. – Гриоик, вода.

– Я аквадроу! Аквадро...

– Гриоик-ноль-одиннадцать, вода!

Неужели они на самом деле собирались меня утопить, только чтобы узнать наверняка? Латимерия кувыркнулась и потянула меня за кабели к стене с дурацкой табличкой. За ней оказалась ниша и какой-то бак внутри. Механический кукловод дёрнул мою руку и силком погрузил её в бак по локоть.

Через миллисекунду я взвыла: там был кипяток!

От шока я оцепенела, но вместо того, чтобы остудить воду, выплеснула бак целиком в эзера. Бокс наполнился паром и превратился в настоящую баню.

– Буйная! – рывкнули в горячем тумане. – В карцер бентоса!

Бентоса? Но я уже теряла сознание, пока железная латимерия по имени Гриоик-ноль-одиннадцать волокла меня по полу.

*

*

*

Мне снилось, что я на вершине. Что я добралась. Что я молодец.

Но там уже стоял Кайнорт Бритц, потому что поднялся первым с пустыми руками. Я стащила со спины клятый камень мести и ненависти и, взвесив в руках напоследок, бросила в Бритца. Послышался грохот. Но когда пыль рассеялась, на его месте оказалось битое зеркало в полный рост. В нём отражалась я, и эта я опустила глаза... развернулась... и ушла. Но как я могла уйти там, в отражении, если прямо здесь что-то не давало пошевелиться? Оглядев себя во сне, я ужаснулась: это та, другая, уходила прочь. А я стала её отражением, разбитым на миллион трещин.

*

*

*

Пришла в себя от боли и холода. Не того мороза, который кристаллизовал кровь снаружи, а подвального и сырого. Я лежала и подвывала от жжения, но голова ворочалась с трудом. Ошейник грубо врезался в кожу. Всё-таки подвинув затылок, я рассмотрела, что лежу раскинутая на прочной и толстой сетке, сплетённой в виде паутины. Снова совершенно голая под гудящей лампой, как на решётке гриля. А вокруг – стального цвета стены, и весь карцер занимает эта сеть подо мной, и для чего-нибудь ещё едва ли остаётся место. Правую руку я почти не чувствовала, на неё страшно было взглянуть, но боль заливала плечи, ломала спину и прожигала до мозга костей. Поднять левую удалось не сразу, но её тут же притянуло и шмякнуло о паутину. Здесь пленников удерживали гравитацией? На двери крупными буквами светилось:

ЗАДЕРЖКА ОТСРОЧКИ ЗАПУСКА ОТЛОЖЕННОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОГРАММЫ БЛОКИРОВКИ ОТКЛЮЧЕНИЯ АНТИГРАВИТАЦИИ ОПАСНА ДЛЯ ЖИЗНИ!

От одного этого канцелярита впору было впасть в кому. Нити врезались в голую кожу. Я будто весила тонну теперь. Повернула голову, оторвав затылок, и вдруг из носа потекло. Кровь быстро заструилась к паутине. Я только успела заметить, что нити на сетке все изгрызены, обглоданы такими же, наверное, как я, несчастными. Я пыталась не стонать, но всхлипы прорывались сами. Долгожданный обморок прервал тот же садист в хромосфеновом черепе. Он хлестнул меня по мокрым щекам и силком пихнул под язык таблетку. Я попыталась выплюнуть, но мне зажимали нос и рот, пока не проглотила.

– Очнись, Эмбер Лау!

Я всхлипнула и разрыдалась. Череп не выражал сочувствия, впрочем, и под маской наивно было ждать сострадания. Я обнаружила, что паутина притягивала меня теперь слабее. Возможно, чтобы эзер не упал на неё тоже. Таблетка, как внезапно выяснилось, оказалась обычной пищевой капсулой.

– Где я?

– Френа-Маньяна, специальная клиника для особо опасных душевнобольных на Зимаре. Терапевтический бентос. Карцер. Гамак для буйнопомешанных.

– Зи... Зимара? – я узнала, что она существует, только пару суток назад, и это слово всё ещё отдавало нуарной фантастикой.

– Здесь, – он помахал планшетом, – сказано, что ты серийная убийца.

– Нет, это не правда. Это месть! Это Альда Хокс...

– Правильно. Сопроводительные документы от Альды Хокс это подтверждают. Тебя контузило на Кармине без малого семь лет назад. Органическое поражение мозга. Посттравматика. Как результат – глубокая одержимость мексикой. Вскоре последовало убийство минори Маррады Хокс, минори Верманда Бритца, о... и минори Кайнорта Бритца. Глазам своим не верю! Да тут видеоматериалы по первому и последнему эпизоду.

Он развернул планшет, чтобы я снова запечатлела, как тонет Маррада и падает Кайнорт. Хотелось кричать: «Это не я!», но это была я. Слезы стремительно катились на паутину.

– Ты методично убивала членов ассамблеи, – эзер повысил голос, чтобы перебить мои стенания. – Пока не попалась. Добро пожаловать домой наконец. Я твой лечащий врач. Меня зовут Вион-Виварий Видра.

– Что со мной будет?

– Ровно то же, что и со всеми маньяками. Три Пэ, – усмехнулся Вион-Виварий и некоторое время наблюдал, как ошеломление и страх льются у меня из-под полуприкрытых век. – Пожизненная принудительная психотерапия. Не скажу банального «здесь тебе помогут», Эмбер. Скажу: «Здесь ты заплатишься».

Когда он ушёл, паутина вдавила меня в сети с утроенной силой, и от перегрузки я то и дело проваливалась в забытье. Значит, вот как всё провернула Альда Хокс. Элегантно и чудовищно. Я нарочно пошевелила обваренной рукой, пытаясь сконцентрироваться на физической боли, чтобы не сойти с ума.

Серийная убийца минори. Семь лет назад я бы собой гордилась.

* * *

Кайнорт стоял, наполовину зацементированный льдом в синеве приозёрной пещеры. Стоял... нет, громко сказано. Его приволокли и бросили в ноги шамахтону. И когда он не смог подняться даже на колени, Зимара подняла его силой наледи и запечатала выше пояса. Даже через слой хромосфена это ощущалось мучительно. Сама Зимара возвышалась напро-

тив, будто авангардистский колосс, трещала при малейшем движении, сверкала гранями. У неё на голове царил широкий гребень, ледяной кокошник чистейшего бриллианта. И плоские крылообразные выросты вдоль спины от шеи до кончика заснеженного шлейфа. Эзер видел на Бране ископаемых ящеров, у них на хребте были точно такие же пластины, разве что костяные. Вместо указательного и среднего пальцев у шамахтона выросли ледяные шпажки когтей. Иглэд, вспомнил Кайнорт.

Блики рассвета забрались в обитель Зимары и отражались от стен грота. Бритц оторвал взгляд от шлейфа шамахтона и поднял голову. Боль сопровождала это простому движению. Всякий раз, получая удар в сердце от потревоженной мышцы, он бросался в жар, и холод отступал ненадолго. Мучить себя, чтобы согреться, – словно не вблизи огня, а прямо в костре, – такой пытки не было в арсенале даже перквизии. Чтобы поднять голову, требовалось задействовать ременную, две лестничные, полууистистую мышцы и совсем немного – верхний пучок трапециевидной. У Кайнорта когда-то было хорошо по анатомии человеческого тела, но Зимара преподавала такие уроки, что хоть прямо сейчас пересдавай на отлично.

Ледяная хтонь подползла ближе по чёрному озеру, укрытому аркой. Она погружалась в воду, словно тонущий ледокол, пока не перестала царапать гребнем потолок пещеры и не поравнялась с поверженным. Он смотрел ей в нефтяные глаза и чувствовал, что его собственные тоже слезятся.

Зимара вырастила игледяные когти ещё длиннее и провела ими по животу Кайнорта вверх, остановилась на сердце. Оно трепыхнулось сильнее прежнего. Но шамахтон уже передумала и провела выше, по горлу и щеке, и остановила когти под глазами. Кончики подталяли, касаясь живой кожи, и ледяные слёзы скатились по лицу.

Кайнорт тяжело моргнул, вспоминая, как это было... Полчаса назад.

* * *

А полчаса назад он думал, что поцелуй шамахтона ему только приснился. Бритц ещё был уверен, что разделит судьбу Берграя Инфера, – так остроумно – раз за разом оживая и умирая, насаженный на ледяные ветви. Если между инкарнациями продержаться целые сутки, не потеряешь память, а после и рассудок. Но какой в этом смысл? За что ему держаться в сознании? Не лучше ли выбросить из головы, что детей украли и, вероятно, убили. Что Верманда больше нет. Что Эмбер... а что Эмбер? Мысли ударились об это имя и свернулись клубком.

Теперь она переживёт. Она теперь свободна от клятвы.

«А если кто-нибудь когда-нибудь найдёт меня здесь?, – вяло думал Кайнорт, удивляясь, что способен ещё связно мыслить. – Должно быть, Нахелю выпал шанс выжить».

Солнце за тюлем снега стало из красного жёлтым. Бритц скосил глаза на склон воронки. Он долго не был на Зимаре и уже разучился ловко различать сотни оттенков белого, да к тому же без поляризационных линз. Сначала ему показалось, что вниз по обледенелому граниту свалилась куча снега, но куча эта двигалась неестественно. Как живая. Это бежали белые звери. Они катились плотным конгломератом, словно гусеницы пилильщиков. Задние запрыгивали на спины собратьев спереди, бежали поверху и ныряли под нижних, как в чехарде. Издалека их стая казалась одной гигантской пушной многоножкой. Так они приноровились двигаться быстрее, чем поодиночке: скорость верхних множилась на бег нижних, а потом они менялись местами.

Они вгрызались в ледяные кусты, глодали иглы, проделывая себе дорогу на самое дно воронки, и от их твякающей перебранки по телу катились мурашки. Звери хотели добраться до ещё тёплого мяса. Кайнорт видел их раньше, но только издалека. Скитаясь по бледной тундре, он выслеживал отъявленных сумасшедших, но ни один охотник даже без ума не хотел столкнуться с песцами Зимары.

От испуга или от последнего витка агонии, но Кайнорт явственно ощутил, что может двигаться. Приблизив руку к глазам, он увидел тонкую голубую жилку, пересекавшую ладонь от середины почти до запястья. Под звуки собственных хрипов и свиста Бритц перевернулся на живот и поднялся на четвереньки. Он обнаружил странное. Превратиться не вышло: только крылья дымились за спиной. Пока поднимался, боль прорезала его сотни раз, будто в теле торчали позабытые убийцей лезвия. Пар вырывался изо рта. От этого ресницы густо покрывали иней. Кайнорт многое отдал бы за то, чтоб они когда-то не вымахали такими длинными. Боль сопровождала вдох и выдох, но такая, что можно и потерпеть. Лишь бы выбраться отсюда. Раньше, чем песцы прогрызут дорогу к его свежзамороженной печёнке.

Послышались писк и шипение, будто кто-то выстрелил из глоустера в снег. Песцов раскидало, и они отскочили обратно к подножью гранитной лестницы, откуда жадно скалились. Но боялись вернуться за добычей. Кайнорт наконец встал. Он оглядывался и оскальзывался в центре невероятно широкой воронки на глади чёрного озера. Твари чесали спины об острые пучки иголок у берега, тёрлись о них и тявкали. Воронку, в которую он упал с горы, окруживала спираль высоких и широких ступеней. Должно быть, здесь и добывали алмазы. Но кто же стрелял? Бритц пытался подстегнуть собственные мозги, но от натуги покачнулся и ухватился за ледяную ветку. Песцы тем временем собрали волю в короткие лапы и опять подбирались. Показывали клыки и ядовито-красные дёсны, облизывали кровавыми языками лисьи морды. И вдруг по их спинам проскакал Чивойт. Бранианская кошка увернулась от десятка пастей и взлетела на гранитную ступень. А там сидел Нахель. Как это он его раньше-то не разглядел!

– Нах... – Кайнорт осёкся, поняв, что не может кричать, и шепнул: – Нахель, как же я рад, что ты выжил... помоги забраться...

Пшолл вскинул голову, встретился взглядом с Бритцем и поднялся. Он выстрелил в стаю, и песцов опять разбросало от страха. Тут только Кайнорт заметил, что Нахель в лёгкой куртке нараспашку и водолазке, но как будто не мёрзнет. Его движения были лёгкие и плавные. Скрипя заиндевевшими суставами, Бритц потащил себя навстречу.

– Наверх нельзя, – качнул головой друг. – Она ждёт нас у себя.

– Ты о ком? – шепнул Кайнорт и прокашлялся, пытаясь разбудить связки, но только силно кашлянул: – Что с тобой? Ранен?

– Она не разрешала покидать воронку.

– Кто? Зимара?

В солнечном сплетении заворочался ком отвратительного предчувствия. Значит, ему не почудилось, и Нахель тоже видел шамахтона. Монструозную королеву, которая не укладывалась в голову. А песцы разделились и заходили с трёх сторон. Они всерьёз настроились не пускать добычу наверх. Бритц, с трудом ворочая шеей, оглянулся в поисках каких-нибудь подручных средств самообороны. Его керамбиты раскидало по ступеням. Он пнул один куст и, услышав треск у корней, оторвал иглу подлиннее. Наклоняться было обмороку подобно, кружилась голова.

– С сосулькой против хищников, – прошептал себе Кайнорт, сознавая всю трагикомедию происходящего.

Песцы, завидев в его руках простую ледышку, подкрались ближе, собрались гурьбой и замкнулись в плотное кольцо. Движения эзера даже после бочки кобравицы были бы куда энергичнее, чем теперь. Два песца позади вцепились ему в ботинки. Кайнорт поскользнулся и упал. Пересиливая расстрел боли, ударил куда-то в густой мех. Отрубил одно пушистое ухо. Другому проколол горло. Ещё четыре зверя отделились от кучи и наступали, выворачивая брылы до ушей, но кидаться опасались. Кайнорт понял, что долго так не продержится, то есть попросту не продержится в сознании, и бросился сквозь кольцо с сосулькой наперевес. То ли в глазах его сверкнуло слишком безумно, то ли Нахель выстрелил ещё, но он прорвался и, потратив силы, сопоставимые с аннигиляцией солнца, помчался по иглам к ступени и ухватился за край.

Если бы он мог подпрыгнуть, подтянуться не составило бы труда, но... прыгнуть в его состоянии было уже невыносимо. Пальцы примерзали к краю, а сзади за куртку ухватился песец. За ним другой, третий. К счастью, навстречу бежал Нахель. Звери тянули Бритца вниз, цепляясь за полы куртки и за мех друг друга. Ещё один песец, и Кайнорт оставит на ступени кончики пальцев.

– Нахель, быстрее!

Пшолл на бегу пнул куст и оторвал себе такую же сосульку. По лезвию вниз потекли капли, нагретые ладонью. Жук подоспел вовремя. Но вместо того, чтобы подать руку, рубанул ледяную корку на граните: прямо там, где цеплялся Бритц.

– Она ждёт нас у себя, – холодно повторил Нахель и, сверкнув неестественно блестящими глазами, ударом сапога в лицо отбил Кайнорта назад.

Бритц сорвался и упал в груды зверей. Мех, укусы и шок: и опять темнота.

* * *

– Ты будешь играть, – повторила Зимара, заполняя своим голосом голову Кайнорта.

Он не нашёл сил возразить. Нахель приволок его, искусанного с ног до головы, в дальний конец озера, где в арочном гроте обитала *эта помешанная*. Так её про себя нарёк Бритц, несмотря на то, что Зимара спасла ему жизнь. Стоя в ледяных тисках, он воспринимал это так, будто она заразила его заболеванием, передающимся половым путём. Она была совсем не похожа на шамахтона Урюю. Зимару словно распирали собственные силы, она упивалась и сочилась мощью, которую ей не терпелось обрушить на воображаемого противника. Когда она двигалась по гроту, то с некоторых ракурсов вовсе не напоминала человека. Странствующий айсберг, который топит корабли. Он крошился в движении, обрастал новыми чертами, будто над обликом шамахтона непрерывно трудился одержимый скульптор. По алмазным граням лица текла та самая жижа, которая не давала Бритцу умереть, склеивая его изнутри, словно пепел фламмогидры. Снежные пряди рассыпались по укрытым латами плечам. Выйдя из ядра, Зимара облачилась в доспехи, которые лишь издалека можно было принять за ледяные.

– Из меня плохой игрок, Зимара, – попытался Кайнорт.

– Я видела тебя. Ты охотился на моих угодьях. Ты знаешь планету. И ладишь с безумцами.

– Я же весь расколот, разодран, посмотри.

– Это неважно, – прозвучало на разные голоса, ансамблем всех маньяков, которых она здесь повстречала. – Я долго наблюдала, как люди и звери привыкают к боли. Из дня в день, изо дня в день, изо дня в день. Ты больше не умираешь. Ты способен мыслить и драться. Боль – то, чем можно пренебречь.

– Что ты со мной сделала... там?

– Растопила и закалила иглы внутри тебя. Это иглéd. Холодные жилы. Вместе с нейробитумом они долго не дадут тебе рассыпаться на части. Как ты того, между прочим, заслуживаешь, – голос её прозвучал насмешливо, но лицо осталось суровым. – Ведь ты сам виноват. Это не я бросила тебя в ледяной тёрн.

Вот, значит, как называлась эта жижа. Нейробитум. Кайнорта передёрнуло, но он так и не нашёлся с контраргументом. Зимара была права, это ведь он не успел пристегнуться вовремя. Это он выпустил Йо из виду в шлюзе. Это он правил рукой Эмбер. Теперь он не сможет инкарнировать и превращаться, а холодный иглéd будет колоть его на вдохе и резать на выдохе. Значит, он угадал: жижа Зимары подействовала на него примерно как пепел с Острова-с-Приветом. В чём-то шамахтоны оказались схожи. Один случайно, другая нарочно, они оба лечили тех, чьи сковородки остывали в аду.

– А с ним что? – Бритц посмотрел на Нахеля, который замер истуканом позади Зимары и выглядел так, будто иглéd проделал ему лоботомию.

– Над тобой нужен контроль. Я поцеловала его в висок. Теперь он будет за тобой приглядывать.

– Ясно! Чего тебе вообще надо? – резче, чем следовало бы когда ты по пояс в лапищах буйного ископаемого, спросил Кайнорт.

– Я придумала игру.

– Игру... Зимара, у меня семья в опасности! Я не буду развлекать тебя, как дрессиру...

– Тогда я и тебя поцелую в висок, Кайнорт Бритц, – сказала Зимара тоном, от прохлады которого даже у манекена запросто могла начаться истерика.

Она встала прямо перед ним, прекрасная и жуткая, как королевская кобра. Кайнорт почувствовал, что крупно дрожит, и что у него от холода и боли течёт из носа. По правде, в эту минуту он чуть-чуть завидовал Нахелю. Зимара поиграла гранями точёных скул и пустила синий парок изо рта в холодные губы Кайнорта:

– А чтобы ты не обманывал, я буду смотреть твоими глазами время от времени.

– Что ты... сделаешь? – не поверил Бритц.

Уже готовый заскулить от нарастающей тревоги, Кайнорт увидел, как Зимара подняла мертвенную руку. Когти ласково ползли и таяли на его щеках. Белые пальцы легли ему на затылок. Дёрнув эзера на себя, шамахтон вонзила два ледяных когтя ему в зрачки.

* * *

Долго, долго Бритц приходил в себя на полу грота, в куче колотого льда. Слушал жалобное «ме-е» Чивойта: тот околачивался где-то рядом, но боялся заходить внутрь. А кто бы не боялся на его месте? Нахель, счастливый владелец бранианской кошки, так и не подавал признаков свободы воли. Кайнорт мотнул головой и нерешительно поморгал. Глаза ещё видели, сердце билось. Удары сопровождало тупое нытьё под ложечкой, но Зимара считала, раз не умрёт – значит, стерпит. Но под колоссальным давлением даже лёд горел, и Бритцу казалось, что он плавится и мёрзнет одновременно. Он расстегнулся неуклюже, чтобы остыть. Под запахнутым воротом вниз по груди уходили голубые лапки талых дорожек, закалённых и ставших игльдом. Кайнорт не знал медицины, способной вытащить эти занозы не разделив тело на части.

– Что за... игра? – судорожно выдохнул он, садясь и приваливаясь к арке грота.

Он вытер сопли, слёзы, слюни и холодный пот. Так паршиво Бритц себя не чувствовал даже в казематах Кармина. Да вообще никогда. Он натурально предпочёл бы умереть, то есть *умереть*, и даже заплатил бы за это. Впервые за много часов жажда найти детей не перевесила заманчивую перспективу провалиться сквозь лёд, залечь на дне озера, свернуться клубочком и стать мумией. Впервые за много лет Кайнорта отвращала не смерть, а суррогат псевдобيوлогической формы существования, предложенный *этой помешанной*. А сил сопротивляться или, там, блестящего ума, чтобы обвести Зимару вокруг пальца, он и вовсе не чувствовал.

– «Закрытый клуб для тех, кто» ранит меня, ковыряет и увечит, – Зимара двигалась по гроту, хрустя снегом, и полуденное солнце бросало на неё лучи сквозь призму ледяных арок. – Жадные люди забирают мои алмазы, убивают моих зверей. Но я привязана к чёрным озёрам, и мои бури едва достигают их приисков. Мне тоже больно, Кайнорт Бритц! Зимара – алмаз, и алмаз – моё тело! Оно пронизано жилами, как твоё, и разве ты стерпишь, если я начну рвать их с корнем?

Она в ярости сцапала когтями воздух и поглядела на эзера сверху вниз, и первой его славной победой было выдержать этот взгляд. Потому что он уже дошёл до ручки. Гнев ни одного шамахтона не мог противостоять силе эмоционального истощения. Впрочем, Зимара приняла его за чуткое внимание:

– Ты предложишь им сделку от моего имени. В день полярного затмения, на празднике начала сезона охоты.

– Да, ежегодный Маскараут Карнаболь. Но он уже через неделю...

– Поторопись. Передашь, что я ставлю на кон самую драгоценную из залежей. Моё сердце. Если игроки Клуба доберутся туда первыми – получат алмаз размером с луну и уйдут наконец. Я переживу, – небрежно бросила Зимара и внезапно очутилась на другом полюсе настроения, в маниакальной злобе, а в лицо Бритцу опять брызнул нейробитум: – Но нельзя, чтобы они добрались. Не первыми нельзя, а совсем. Иначе за ними придут другие. Поэтому ты выступишь и убьёшь их всех на пути к сердцу.

– Ладно. Это я могу, – буркнул Кайнорт, уверенный, что нет, не может. – А где оно, твоё сердце?

– Вы должны выяснить это сами. Я поставлю соперников в равные условия. Это будет честная игра.

– И честное убийство. Ох, чёрт... Зимара, послушай. Едва ли я полезнее любого другого психа, которых вдоволь прячется в твоих лесах, – рискнул промямлить Кайнорт. – Зато они... посвежее меня.

– Они безумны. Я дам четверых тебе в помощники. Ты их возглавишь.

В булькающем лае Бритц разобрал собственный смех. *Они безумны!* Нашла самого адекватного в палате. По его глубокому убеждению, в союзники следовало выбирать родственную душу, и тогда Зимаре идеально подошла бы снежная баба. И как она себе представляла команду сумасшедших под контролем того, кто годами ставил на них ловушки? Наверняка у Зимары и на это была какая-нибудь далёкая от нормы теория, о которой Кайнорт не хотел знать. По крайней мере, до тех пор, пока не стянёт череп проволокой потуже, чтобы он не лопнул от боли и умопомрачения. Из всех возможных контрпланов его мозги пока были способны только на: «Зимара, ты замечательная, но тот поцелуй ничего не значил... дело не в тебе, дело во мне... а теперь я пойду, ладушки?», и Бритц решил даже не начинать.

– Когда это закончится, ты наспустишь?

– Я отпущу победителя. Нахель! – позвала Зимара, делая ударение на втором слоге. – Это ваш господин на время игры. Отведи его к остальным как условлено.

Нахель наконец отлепился от арки грота позади Зимары. И просто вышел наружу со стеклянным взглядом. Кайнорт отправился следом и плёлся поодаль, тычась в ледяные кусты и поскальзываясь. Поспевать за Пшоллом, когда каждый шаг сопровождала резь в груди и пояснице, было невообразимо трудно. Зимара назвала Бритца господином, но сам он чувствовал себя сильно наоборот. Вскоре он заметил, что бедняга Чивойт где-то лишился одного уха. Скакал туда-сюда, заглядывал Нахелю в пустые глаза, возвращался к Кайнорту за сочувствием и, не получая и толики, непрерывно сыпал коричневые шарики под кусты. Вот по какашкам Бритц и ориентировался, потому что Нахель удрал далеко вперёд, а над воронкой уже темнело. В этих широтах сгущалась полночь, тьма такой густоты, что её можно было пить через соломинку.

– Минус двадцать один, – прохладно заметил Нахель с высоты второй ступени. – Нас встретят наверху, если температура будет не ниже минус тридцати. Поторапливайся, господин.

– Нахель, – хрипло передразнил Бритц.

Пшолл был уже довольно высоко, когда Кайнорту посчастливилось вскарабкаться только на третью ступень. До верха их оставалась ещё уйма, а сколько точно, он не мог сосчитать. Лишний раз вскинуть голову означало получить лишний подзатыльник от полуостистой мышцы шеи. В изнеможении Бритц упал на шестую и попытался понять: это у него жар или температура в воронке больше не понижается? Мимо проскакал бодрый Чивойт. Он шугал одиноких песцов и уже трижды преодолел гигантскую лестницу туда и обратно. Прежний Нахель вытащил бы Бритца на своём горбу ценой чего угодно, но теперь Кайнорт не попросил бы его, даже если бы у него загорелся капюшон. След подошвы сапога Нахеля ещё пылал на щеке. Вскоре опустилась та самая чернильная тьма, и Бритц так замёрз, что ничто другое его больше не беспокоило, ни боль, ни мысли. Он воспользовался этим и преодолел ещё три ступени, вытащив

себя на предпоследнюю. И понял, что это всё. Что он валяется, как мешок остывшей гемолимфы и ржавчины.

Можно было умереть, предварительно попросив кого-нибудь надёжного вытащить из него все игледажные жилы, а потом собрать тело и проследить за коконом инкарнации. Кого-нибудь, кому бы он доверял. Теперь он доверял разве что Чивойту. Да и тело, так сильно изодранное, могло не инкарнировать. С эзерами такое случалось сплошь и рядом, поэтому их враги и взяли за правило рубить насекомых на части. А последнюю живую кровь, от которой зависел успех инкарнации, он получал... когда? В море от Эмбер, но после растратил всё на полёт до берега. Нет, умирать было никак нельзя.

– Минус двадцать два! – упрекнул кто-то сверху, будто это Кайнорт и Нахель привезли на Зимару плохую погоду.

Чьи-то здоровенные варежки дёрнули Бритца под мышки, потащили и взвалили на последнюю ступень, на край воронки. В густой пурге он не разобрал лица, только меховой воротник с дохлой песцовой мордой и громадную муфту для рук.

– Вы кто? – выдавил Бритц.

– Деус, гадёныш.

Заслышав имя, Кайнорт тоскливо посмотрел вниз. Ему внезапно захотелось обратно к Зимаре.

Глава -22. Psychomo sapiens

Под слепящими лампами, в ласках сквозняков было темно и душно. Страх исказил восприятие на свой лад. Но спустилась ночь или настало утро, и гравитация паутины подо мной исчезла. Я инстинктивно собралась в комок, а в карцер вместо Виона-Вивария влетел санитар Гриоик-ноль-одиннадцать. Первым делом он затолкал в мои вестулы какие-то капсулы.

– Болеутоляющее. Надевай пижму, – в меня полетели тряпки.

Пижму? Или слышалось? Я молча приняла серую пижаму в глазодробильный геометрический рисунок и матерчатые тапочки. Рука уже не горела после болеутоляющего. Тлела. Пришлось держаться за гамак, чтобы не упасть от головокружения, и провозилась я долго.

– Уточка крови двадцать пять процентов, – опять ошибся Гриоик и, заметив оговорку, попытался исправиться. – У-т-е-ч-к-а кроме. Требуется диетическое питание.

Утечка крови. Значит, я отдала литр Альде и... Кайнорту. По щекам опять потекло, и, ощупывая распухшим языком сухое нёбо, я подумала, что слёз отдала больше литра. Хорошо бы в этом месте нашлась где-нибудь пространная табличка с запретом думать о Кайнорте Бритце. После пяти лет рабства и почти двух лет донорства шчеры выучили медицинские нормы наизусть, и литр в моём случае означал среднетяжёлую степень кровопотери, после которой наступала кома от болевого шока. Гриоик опутал кабелями мои запястья и потянул в коридор. Стены и пол там украшал гипнотический принт из линий, треугольников и спиралей. Ещё хуже, чем на моей пижаме. Взгляду нигде невозможно было притулиться и сосредоточиться, всё время казалось, что пол поднимается и лупит меня в переносицу. Глаза сами собой сходились там же. Даже, наверное, хорошо, что Гриоик меня подтаскивал, потому что я то и дело спотыкалась. Там, где пол казался ровным, он вдруг кривился, а выпуклости и ямы оказывались иллюзиями. Шагов через двадцать меня затошнило, и чудовищный пол спасла только пустота в желудке. Организм чего-то требовал, но я никак не могла понять, чего конкретно, потому что от череды недомоганий в мозге образовался затор.

Косые стены коридоров сходились на потолке, как в анфиладе пирамид. Посреди каких-то зелёно-фиолетовых кругов, которые начинали пульсировать, если зацепиться на секунду взглядом, горела табличка:

«При спаде внезапного снижения эскалации избегания конфликта стрелять на поражение!».

Меня пугала даже не угроза, а то, что я начинала понимать эти упреждения. В коридоре были и другие пациенты. Все в похожих пижамах, разнился только тип оптических иллюзий. Шахматные доски, косые линии, круги... И над каждым вертелась какая-то гадкая рыба-санитар. Удильщик, морской нетопырь, химера... Глубоководные твари. Неужели каждая рыба отражала душу? Но Гриоик утверждал, что я склонна к побегу, а ведь это не так. Кто-то шёл сам, кого-то тащили на кабелях. Лица... эти лица были разные, по-детски свежие и понуро-одутловатые, неподвижные и дёрганые, но с одним и тем же налётом тупого смирения. Сперва я даже испугалась: психи, взаправдашние психи... это ведь даже хуже, чем мертвецы! У меня развивалась новая фобия. Хотя я сама вряд ли выглядела лучше других. За спиной у одного парня вился дымок. Эзер. Бледный и опутанный зеленоватыми жилами, проступавшими сквозь кожу. Мимо сам, без кабелей, трусил благообразный старичок. Следом нити протащили парализованного, как манекен, хвостатого мужика.

Кто-то охнул, и все невольно обернулись. Потный и рыхлый пациент забился в хватке санитар-пираньи. Их нечаянно толкнули, с носа пациента соскользнули тёмные стёклышки, которые моментально растоптали. По коридору разнёсся нечеловеческий крик.

– Бе-е-е! Бе-е-е-елое! Бе-е-е-елое!..

Он уставился на белый квадратик посередине оптической иллюзии шахматной доски и дрожал в неопишемом ужасе, будто перед ним выскочила змея. На секунду я представила, что было бы, окажись он на воле, на планете, укутанной вечно белой мерзлотой. Санитары похватили своих пациентов и растащили в стороны. Рыхлого беднягу замотали кабелями с головы до ног, накинули на голову чёрный мешок. И он сразу перестал вопить. Гриоик-ноль-одиннадцать дёрнул меня и завёл в стеклянные двери.

– Занимай свободный слоник. Столбик. С-т-о-л-и-к, – наконец удалось ему.

Столовая походила на морг с десятком металлических столешниц. Только треугольных. Рыбы-санитары раздавали питательный кисель. Не в тарелку шлёпали, а прямо так. Полупрозрачная жижа дрожала сопливыми каплями. Кто-то ел, забирая липкую массу пальцами, кто-то запускал в них язык. Здесь собрались расы, о которых я даже не слышала. Я села к двум пациентам, которые показались мне самыми спокойными. Они ковыряли своих слизняков ложками из мягкого пластика. Набранный в них кисель оттягивал пластик, ложки отвисали и тряслись. В центре столовой вертелась голографическая табличка, единственная ясная и понятная среди умопомрачительных:

ЧИТАТЬ ТАБЛИЧКИ ЗАПРЕЩЕНО!

Лучше бы есть запретили. Потому что класть в рот сопливую жижу я не собиралась. Но сесть на табурет и убаюкать больную руку было уже облегчением. Парень рядом, в пижаме с кислотными спиралями и с угрями на лбу, двигался рвано, угловато. Он жужжал при малейшем шевелении и повизгивал, когда сгибал суставы. У него в ушах торчали болтики на манер старинных наушников, которыми затыкали слуховой проход. Парень вынул из кармана горсть мелких гаек, посыпал ими кисель. Перемешал. И начал есть. Гайки глухо застучали о зубы. Хвостатый пациент за столиком напротив совсем не шевелился, даже не моргал. Из уголка его глаза покатились слеза, и откуда-то воскликнули:

– Да прекрати ты!

Впервые от женского голоса у меня взорвалось в голове. Я вздрогнула и посмотрела на пациентку сзади. Розовые волосы забраны в небрежный пучок и заколоты карандашом, курнобая, в полосатой пижаме, из нагрудного кармашка торчит блокнот. А в остальном ничем не примечательная внешность. Зато голос, как торцовочная пила.

– Да дай же поесть человеку!

Я не понимала, к чему это она и почему именно мне, пока не вспомнила, где нахожусь. Среди сумасшедших. Хвостатый пациент застыл не донеся жижу до рта, и та сочилась сквозь его пальцы на стол. Взгляд у него был неподвижный, но страдающий.

– Издеваешься? – опять напала розоволосая. – Или ты умственно адаптированная?

– Я ничего не делаю, – и, чтобы дать ей удостовериться, я втянула голову в плечи и собрала пальцы в кулаки, а локти прижала к бокам.

– Ты же пялишься. Она пялится на Мильтона!

– Мильтон не может двигаться, когда смотрят.

Это произнёс тип, который жевал гайки. Он проглотил их и теперь был очень любезен. Что ж, многое прояснилось. Я сделала вид, что разглядываю потолок. Но боковым зрением всё-таки ухватила Мильтона, который активно всасывал питательную жижу прямо со стола, пока кто-нибудь опять на него не воззрился. Третьей за нашим столиком сидела чёрная-пречёрная тень без пижамы. Ни фотон не покидал пределов её очертаний. Она... или он или оно методично и невозмутимо поглощало кисель. Стало вдруг неуютно, будто эта тьма следила за мной и могла засосать вместе со светом, как имперский штурмовик. В углу, среди катастрофических пижам, выделялся пациент, весь облепленный фольгой. Как очень параноидальный тип, которому было недостаточно одной шапочки. У меня устала шея, и, опустив голову, я застала Мильтона замершим с приоткрытым ртом. С его губ сочился кисель. Розоволосая выдернула блокнот из кармана, а карандаш из пучка. Вооружившись им как заточкой, она зашипела:

– Я тебя вычеркну.

– Дьяблокова, сядь! – оборвал её санитар, механический морской нетопырь.

А я вздохнула и закрыла глаза. Вообще не надо было их открывать этим утром. Я рисковала заснуть и упасть с табурета, но решила, пусть Мильтон доест, в самом деле.

– Ешь, – проскрежетал Гриоик, заметив мою жижу нетронутую. – Таковы правила, тем брокколи при потере крови.

«Тем брокколи»... Должно быть, где-то водились мехатроники дурнее меня. Я взглянула на жижу и решила, что она не достойна и полушанса.

– Нет, спасибо.

– Я таких много повидло на своём веку. Все едят рано или поздно. Будешь и дальше операция, отправишься в карцер до конца недели. До конца не делить. Огурца недели. До гонца...

– До конца недели! – взорвалась я, уже почти плача от пыточного словаря Гриоика. – Не смогу я это проглотить.

И опять закрыла глаза. Но через секунду, отхватив удар током, подпрыгнула на месте. Надо мной стоял доктор Вион-Виварий Видра. Из провалов хромосфеновых глазниц вился дымок. Но я боялась только настоящих скелетов, а живых эзеров – нет.

– Я ещё не голод...

Он схватил меня за волосы на затылке. Зачерпнул жижи со стола и размазал мне по лицу, заталкивая в рот.

– Ешь.

Я сплюнула солёную гадость, на вкус точь-в-точь сопли. Остатки её во рту вызывали приступы рвоты и неуёмного кашля. Парень с гайками за щеками вскочил с места:

– Остановитесь! Первый закон робототехники вынуждает меня...

Но его собственный санитар оказался проворнее, и робот обмяк лицом в жиже.

Видра щёлкнул Гриоику. Латимерия цапнула меня за больную руку и выволокла в коридор. Пришлось едва ли не бежать за нею вприпрыжку, чтобы не упасть, а Вион-Виварий шагал рядом. Опять та же дверь. Опять карцер. Опять стасили пижаму и швырнули на гамак для буйных. На этот раз лицом вниз.

– В бентосе Френа-Маньяны я один решаю, когда кто-то голоден. Или болен. Или мёртв, – спокойно говорил Вион-Виварий. – Ещё выкрутасы, Эмбер Лау, и посажу к тебе Скрибу Кольщика.

Скриба Кольщик – звучало как махина с топором наперевес, и в желудке скрутился клубок из нервов. Не сходи с ума, дурочка, всхлипнула я. Вряд ли пациентам позволялось держать топоры среди личных вещей вроде трусов и зубных щёток. Но меня всё равно колотило. Лежать на животе было куда страшнее: я не видела, что творит Видра, и если бы он только вздумал... Но дверь карцера хлопнула быстрее, чем жуть обрела конкретную форму.

* * *

Я сдалась к вечеру. Нет, не угрозам. Просто тело наконец определилось с приоритетным дискомфортом. Страшно хотелось в туалет. Первый шок поутих, болеутоляющее подействовало, и верх взяла физиология. Я взвыла и поклялась, что съем всё. Смотреть не могла на сопливый кисель, но терпеть позывы мочевого пузыря не могла сильнее.

– Тюлька без глупостей, – предупредил Гриоик. – Т-о-л-ь-к-о без глобустей.

– Хорошо-хорошо.

Застёгивая пижаму на ходу, я понеслась в туалет быстрее Гриоика. Там было зеркало. Не стеклянное, а лишь отполированный металл. Ясно, чтобы сумасшедшие не разбили. Зря я в него смотрелась. Даже после того, как я наспех ополоснулась над раковиной, моим отражением можно было жорвелов распугивать. И сон... Я вспомнила свой недавний сон о зеркале и

сложилась пополам от душевной боли, лекарством от которой был разве что крик, переходящий в потную дрожь. На крик никто не пришёл. Кажется, невменяемый ужас тут был делом обыкновенным. А потом потащилась в столовую. Моя куча соплей так и скучала с тех пор, как утром её шлёпнули на стол. Теперь-то я с теплотой вспоминала те лепёшки из муки и глины, которые грызла в Каракурске семь лет назад, после больницы. Гриоик вручил мне ложку из мягкой пластмассы. Я стояла над жижей, цедила слюну, чтобы отлепить язык от нёба и открыть рот, и надеялась, что санитар не ляпнет что-нибудь неудобоваримое, но:

– Размошонка следует. Будет вкуснее.

– Что?!

– Р-а-з-м-е-ш-а-й к-а-к следует.

– Что там вообще в составе?

– Мне не известка.

Я размешала. И съела. Сопливый кисель удовлетворял и голод, и жажду, особенно жажду мести, крови и другого членовредительства, которую вызывал Гриоик. Подавляя приступы рвоты, я ловила себя на мысли, что это даже неплохо, что из всех санитаров мне достался этот идиот. Это было похоже на фатум.

Потом он потащил меня в коридор.

– Гриоик, мне больно, – взмолилась я, когда кабель впился в клюквенно-красный волдырь на правой руке. – Я сама пойду!

– Не положено. Ты склочна к побегу. С колонна к побегу. С кулоном к побегу, – он помолчал и взял себя в плавники. – С-к-л-о-н-н-а к победе.

– О, да, карась ты заржавленный.

И если это был фатум, значит, была и надежда на толику вселенской справедливости. Или вселенской иронии, которая работала надёжнее гравитации. Я думала, мы возвращаемся в карцер, но Гриоик отпустил меня у двери с табличкой «Отсек 6» на треугольной двери. Здесь, чёрт возьми, всё было треугольное и косое, даже жилые отсеки.

Как только Гриоик отпер дверь, двух пациентов внутри разбросало по койкам. По гамакам поменьше карцерного. Отсек был на троих. Я переступила порог, и третий гамак настойчиво потащил меня в угол. Гамаки во Френа-Маньяне, как оказалось, служили постелями, а при необходимости – смирительными рубашками. Только не из стальных канатиков, как в карцере, а из шёлковых нитей. Белья не полагалось. Одновременно со щелчком замка гамаки перестали вдавливать нас в углы. Я оказалась взаперти с двумя сумасшедшими. И им ничего не мешало придушить меня во сне. Или сожрать. Или чего похуже. Разумным показалось не спать всю ночь. В конце концов, в последнее время в сознании я провела времени гораздо меньше, чем без, и надеялась, что эффект у обморока накопительный.

В гамаке слева качался замотанный в эластичные бинты тип земноводной расы. Худой, с болотной кожей, сальной на вид, как у саламандры. Измусоленные ленты покрывали всё лицо, кроме рта. Он еле слышно шамкал и перекачивал язык. Справа напротив жужжал прыщавый парень с болтами в ушах, тот самый, который утром сыпал гайки в кисель.

– Отвали, – проквакал саламандровый рот. – Отвали, а то закричу!

Я вздрогнула: «Отвечать? Как разговаривать с душевнобольными? А со смертельно опасными? И стоит ли вообще? Впрочем, не лишним станет убедиться, кто из них реально не в себе...» Но в голову ничего толкового не пришло. Обваренная рука опять дико болела, кисель буянил в желудке. Парень с болтами кивнул в знак приветствия. Я спросила осторожно:

– Так ты всё-таки робот?

– Хотя для примитивной лужги это и неочевидно, – он многозначительно постучал по головкам болтов. – Еклер Ка-Пча.

«Разве у роботов бывают прыщи?»

– Разве роботов помещают в психиатрические клиники?

– Френа-Маньяна уникальна в своём роде. Я думал, меня просто отформатируют. Но кто-то исправно платит, чтобы держать меня здесь, среди бранных обёрток вроде тебя.

Стало интересно, сколько ещё уничижительных терминов он приберёт для обозначения людей. Может, имперский синтетик? Чушь, одёрнула я себя. Синтетики не ходят с болтами наружу. А вообще... вообще не всё ли равно? Веки набрякли и слипались.

– Сам такой, урод, – воскликнул рот в гамаке слева, – сам ты жаба, я тебя выковыряю из фольги и кишки высосу как спагетти!

Я подтянула ноги на гамак, поджала пальцы и схватилась за них руками.

– Его зовут Зев Гуг, – невозмутимо пояснил Ка-Пча. – Он треть триады. Горло-ухо-глаз: Гуг.

Он встал и отогнул бинты на лице Зева. У земноводного была совершенно гладкая голова без глаз и ушей, только узкие щели жабер приподнимались, чмокая, и дрожали на скулах, когда он дышал.

– Так это он в другой камере ссорится?

– Да, триада связана воедино. Сонар Гуг в пятом отсеке, у него уши. А их самка Бельма Гуг в первом. У неё глаза.

– Он не опасен?

– Абсолютно, если не совать пальцы ему в рот. Но может напугать такого вульгарного биотика, как ты. Я могу поделиться запасными ушными болтами с фасонным шлицем, силиконовая смазка поглощает до девяноста процентов шума.

– Нет, спасибо, – испугалась я и примерила на себя роль вульгарного биотика с болтами в качестве берушей. – Всё равно не засну.

– Вот, – Еклер порылся в пижаме в поисках второго запасного болта. – Очень удобно ввинчивать.

– Нет. Спасибо. У меня резьба не... не той системы.

– Могу добыть винты с полупотайной головкой.

– Спасибо, Еклер. Не нужно пока. Да, спасибо за то, что вступился утром.

– Совершенно не за что, – отмахнулся Ка-Пча. – То был нелогичный выпад с моей стороны. Твоя летальная оболочка этого не стоила. Но надо мной довлеют законы робототехники. Я классической системы, понимаешь?

– А за что сидишь?

– За это и сажу.

Моя летальная оболочка успокоилась тем хотя бы, что этот тип, кажется, не представлял опасности прямо здесь и прямо сейчас.

– А эта агрессивная... с розовыми волосами и карандашом...

– Дьяблокова. Бранианка вроде. Утверждает, что всё происходящее – это книга, которую она пишет, а люди вокруг – её персонажи. Грозится то замучить, то вычеркнуть. Говорят, на воле убивала направо и налево. С ней надо поосторожнее. И ни в коем случае не зови её через мягкий знак.

– Э... хорошо. Что это вообще за место? – спросила я, только чтобы не заснуть. – Что значит «бентос»? Слово какое-то знакомое.

– Дно. Бентос – глубоководный корпус. Это нужно, чтобы ваши тленные чехлы не вымерзли. В воде ноль.

– А сколько на поверхности?

– Мой санитар удильщик передавал: минус двадцать два. Он делится со мной новостями. Разумеется, только из солидарности между роботами, – он задрал подбородок, а я подумала, что лучше бы из солидарности тот не окунул Еклера в кисель утром. – Кстати, ты же не буйная?

– Я даже не знаю, – честно призналась я, сворачиваясь в гамаке.

– Иначе санитары пустят сонный газ.

- Еклер, а в отсеке что, даже туалета нет?
- Их только два на весь бентос. Выводят трижды в сутки, невзирая на расу.
- А если кто-то вдруг...
- А чтобы не вдруг, я использую шуруп со стопорной гайкой.

Он даже собирался продемонстрировать, но в этот момент в отсеке погасили свет. Поблёскивали только мои глаза, вытаращенные при мысли о шурупе со стопорной гайкой в... Я всё лежала и пыталась вернуть в активный словарь выражения «совершить побег» и «выбраться отсюда живой». Но не могла сосредоточиться. Не запомнила дорогу от столовой, не сосчитала санитаров. Даже не заметила, какой замок был на двери отсека. Я всё ещё обитала в другой системе координат. Всё ещё на Урюи, всё ещё среди живых и нормальных, ну, может быть, не совсем нормальных, но живых и любимых. Меня забросили в другую систему координат, где обитали расы одного вида: психомо сапиенс. Настала пора осмыслить себя в ней. Осмыслить новую точку отсчёта, чтобы выкарабкаться. Ради тёплых ладошек Миаша и медового носика Юфи. Самых ярких маячков.

Зев Гуг истошно взвыл в темноте:

- Не приближайся! Я тебя слышу, не лезь, обрзина! Руки убери!
- Трюфель, это который в фольге, опять дразнит Сонара Гуга в пятом отсеке, – нейтрально пояснил Еклер. – Вот так всегда. Теперь по всему бентосу пустят газ. Доброй ночи.

По стенам вдоль стыков зашипело. Я инстинктивно задержала дыхание, понимая, что всё равно не смогу вот так не дышать всю ночь. Зев Гуг умолк первым. За ним следом Ка-Пча свалился в гамак без жужжания и визга, которыми сопровождалось его движение. С толикой удовлетворения отметив, что Еклер Ка-Пча – обыкновенный псих, будто в этом можно было сомневаться, я не удержалась и тоже глотнула воздуха. Сладость на кончике языка стала последним аккордом долгого дня во Френа-Маньяне.

Глава -23. Дверь открывается на себя

Передвигаться волоком недурно, если, конечно, это тебя волокут. И конечно, если не за волосы на лобке. Бритца волокли за капюшон, как счастливчика. Снег залепил ему лицо и набился за шиворот, ботинки были полны подтаявшего льда. Он полагал, что уже мог бы идти сам кое-как, но не собирался облегчать жизнь Нахелю и Деус, а ещё надеялся, что им надоест, и они его бросят. Хотя эта холера, Деус, ничего на полпути не бросала. Они остановились где-то в сугробах, и Нахель забарабанил в дверь обледелой хибары.

Кайнорт на секунду прикрыл глаза, а очнулся в жаркой комнатёнке на жёсткой лавке. Он понял, что переоценил себя, что не сделал бы и шага самостоятельно. В глазах рябило, и разглядеть при первой попытке удалось только мерцание бесчисленных индикаторов. Полутёмная хибара напоминала одичавший капитанский мостик, и если бы не мох, торчавший в стене тут и там среди проводов и чудаковатых приборов, можно было и впрямь принять эту конуру за ископаемый звездолёт. Где-то что-то тикало, пытело, скрежетало. У набухшей от влаги двери за эзерами следили два жёлтых глаза: ручной песец. Таких заводили только те, кто считал чужок и канизоидов недостаточно агрессивными. Нахель ковырялся в сапогах, вытряхивал комки снега. Рядом крутилась Деус. Девчонка с ворсистой, как нубук, лимонной кожей и в смешной шапке с помпоном. Бритц наблюдал за ней из-под набрякших век. Боль притупилась, или он к ней привык, но суставы забила вата, в ушах пульсировал шум, а в груди опять булькало. Он знал, что это. И знал, чем это лечить. Когда-то давно, на другом краю вселенной, он провалился под лёд и часа два оставался по шею в воде, задавленный снежной глыбой. А потом отхаркивал кровь и куски лёгких. А потом пришёл доктор Изи. Мягкий и добрый толстяк, лучший в мире специалист по эвтаназии. А потом стало хорошо. Так они и познакомились. Деус увидела, что Бритц моргнул, распахнула на нём куртку и прижалась ухом к груди:

– Я бы ему врезала, ох, врезала бы... – услышал он голос Деус, обращённый к кому-то. – Но у него пневмония. Хотя если подумать... по яйцам-то можно и врезать, надеюсь, он их тоже отморозил, и разобьются.

– Ты как будто меня обвиняешь.

Голос Нахеля звучал жёстче обычного, с какой-то новой сталью.

– А кого же? – вскинулась Деус. – Мог бы и поторопиться! Зачем заставил самого лезть, видел же, что синий уже! Сдохнет – Зимара не будет играть. А у меня на кону кое-что поважнее алмазов.

– Это ведь лечится. Лечится, ведь так?

– Так, да не так! У вас всё гораздо сложнее. Вы же...

На этом Кайнорт опять выпал из реальности. А в следующий раз проснулся на обрывочном бурчании:

– ...ещё и этого на мою голову. Зеппе, плесни ему плесневого чаю.

– Если термопот не против, – проворчали из дальнего угла. – Вообще-то наш термопот жаворонок по натуре, и за полночь неважно себя чувствует.

Бритц из любопытства даже открыл глаза. Среди свалки потёртых запчастей и механического барахла возился кто-то в громоздком бронзовом шлеме. Шлем этот был накрепко запаян и напоминал кальмара, обхватившего голову. Из-под гнutoго, колотого и растрескавшегося металла выглядывали худосочные морщинистые плечи. Зеппе выглядел как черепаха, которую вытащили из панциря и упрятали головой в ведро. В шлеме было что-то вроде забрала, только оно не открывалось.

Старик смотрел сквозь сотню пропиленных щелей, и его лицо, по-видимому, долгие годы не показывалось на свет. В просветах забрала бегали строчки машинного кода. Шлем дополнял реальность Зеппе одному ему известными данными о состоянии его питомцев, сумбурно

отлаженных приборов, место которым было разве что под прессом. Зеппе поднялся и погладил нагреватель, словно кота:

– Устал, мой хороший? – ласково пробормотал он и почесал шлем в раздумьях, прежде чем нажать пуск. – Ну, ты хоть чашечку нам согрей... Слышишь, Деус, я его прошу только одну чашечку! Нельзя будить машину всякий раз, когда тебе вдруг приспичило чаю. Есть режим работы и отдыха. Сама-то, поди-ка, по семь часов кряду спишь.

– Зеппе, не начинай! Этому крестину нужно много пить.

После чашки отвратительного грибного чая Кайнорт откашлялся и почувствовал, что стало чуть легче. Он приподнялся на лавке, но Деус толчком локтя вернула его назад.

– Лежи, балда. Здорово же тебя искусили.

– Что, я теперь стану песцом?

– Остри, остри. Знаешь что, петрушка ты кудрявая? Ты теперь смертный, только это полбеда.

– Другие полбеда – это ты? – буркнул Кайнорт и попытался наконец проморгаться. – Классная шапка.

– Беда в том, что не привык ты смерти бояться. У эзеров же всё просто: сдох, раз – и опять живой. Твой организм не умеет противостоять тяжёлой болезни. А ты серьёзно болен, Бритц. Но совершенно не способен сопротивляться. В другой раз я бы сплясала на твоих рёбрах. Но Зимара, чтоб ей растаять, выбрала тебя, и послезавтра ты должен встать на ноги. Игра-то уже завертелась. Первый ход наш.

Она как будто обиделась, что не её назначили главной. Раздула ворсистый шейный капюшон, словно кобра, и маячила взад-вперёд под тяжёлым взглядом эзеров. Деус готовила укол антигипоксидной сыворотки и сжимала челюсти от досады. Разумеется, ей не хотелось разорять драгоценный запас ради того, кто ставил на неё ловушку. Кайнорт хотел сказать, что с удовольствием поменялся бы с ней местами, вручил бы капитанские бразды и Нахеля в придачу. Но Бритц боялся, что тогда Деус от радости придушит его ночью валенком за ненужность. Плесневым чаем и сносной лавкой он был обязан исключительно прихоти шамахтона.

– Это где же видано, чтобы ты – ты, вот ты! – и вдруг мною помыкал, – кипела Деус. – Это мной-то, которая умнее, сильнее, храбрее. И прочее «ее». Почему шамахтон тебя выбрала?

– Я в её вкусе.

– Зимара не человек.

– Ну... какая-никакая, а тоже углеродная форма жизни.

– А ты – уродная форма жизни, – отрезала Деус. – При прочих равных я бы предпочла Альду Хокс. Кстати, где эта взбалмошная? Вы же с ней не разлей вода были.

– Мы расстались в некотором разногласии.

– Пф-ф, назвал её на «ты»?

– Сломал ей челюсть. Хотел обе, но вмазал с левой.

– Ты? Ах-ха-ха! – капюшон Деус раздулся нубуковым парусом. – Врёшь! А ходили слухи, ты с ней спишь.

– Упаси боже. Мы бы не смогли договориться, кто из нас госпожа.

– Ладно, верю. Вон, у тебя аж тик на нижнем веке, когда о ней говоришь.

Бритц и сам ощутил, как задёргались ресницы, и закрыл глаза. Вроде между ним и Деус если не потеплело, то подтаяло. Но тактическое острословие выжало его, как тряпку. На ноги послезавтра, сказала Деус? Хотелось верить той, которая вправду была умнее и разное прочее «ее». Но пока что-то не верилось. Укол она нарочно влупила побольнее, протолкнула иглу до кости. Холодок разбрёдался по капиллярам. Бритц откашлялся и задрожал от слабости.

– Песцы, которые тебя покусали, – продолжала Деус, – они переносят токсолютоз, и если выкарабкаешься, приобретёшь иммунитет к морозу. Пригодится, когда пойдём к Фибре.

– Ещё один маньяк?

– Нет. Он тут потерпел крушение, но у него есть гусеничный вездеход, просто буровая чума. Если Зеппе над ней поколдует, мы успеем во Френа-Маньяну на этот ваш Маскараут Карнаболь.

– Так много «если».

Канареечно-лимонная Деус была самым ярким пятном Зимары. Стройная, гибкая, экзотическая куница. Охотиться на неё тянуло страшно, но не представлялось возможным: девчонка оказалась такой сообразительной и приткой, что опережала эзеров не на шаг, а на три дороги. Её интеллект граничил с гениальностью. На неё плюнули, изредка припоминая, как любовались где-нибудь издалека. И жила бы себе тихо! Охотилась бы на песцов. Помогала бы Зеппе, ведь поначалу они продавали маньякам кустарное оружие и даже скопили немало денег. Клуб закрывал глаза на то, что кто-то снабжает дичь боеприпасами, так даже интересней стало. Но Деус вздумалось оборачивать ловушки эзеров против них же самих, раздевать, грабить и глумиться. В итоге члены Клуба посчитали за честь выловить лимонную обезьянку и напихать ей во все дырки незабываемых дней и ночей. Но обезьянка знала о планах развратных охотников, и, пока ей не попался некто совершенно иного склада, выходила победительницей. Так что Бритц, если так можно выразиться, оказал Деус услугу, когда, недолго думая, просто свалил на неё ледяную глыбу, да так и оставил. Даже не потрудился убедиться, что она мертва. И вот – оба в одной перчатке на правой руке шамахтона.

– Зеппе, ему кислород нужен, – голос Деус становился глуше. – Потребуется твой пульсодозовый концентратор.

– Ещё чего! Деус, детка, так не справедливо. Концентратор и сам болен, а чем он хуже этого таракана? Компрессор перегревается... Я не позволю эксплуатировать его на износ, как какого-нибудь... какого-нибудь...

– Как какой-нибудь прибор? – холодно выплюнул Нахель.

– Не надо так! – воскликнул Зеппе. – Они же всё понимают!

Голос под шлемом сломался, старик подхватил концентратор на руки. Песец, учуяв склоку, тьякал и подметал пол хвостищем. Нахель поднялся из своего угла, угрожающе нависая над Зеппе:

– Так, дед! Тут Зимара решает, кому жить, и ты будешь делать всё, чтобы господин добрался вовремя. Иначе я тебя из этого панциря выколупаю!

– Тихо! – рывкнула Деус, и у неё в руке откуда ни возьмись появился кременган. Складной, за пятьсот зерпий штука. – Если бы ты лучше заботился о господине, тупица, ему бы и концентратор не понадобился!

– Я должен контролировать, а не нянчить!

– Надо было лучше выполнять свою работу, ради которой Зимара оставила тебя в живых. И не смей угрожать Зеппе! Иначе придёт Деа, и мало не покажется. Место, Сырок, фу, фу!

Песец перестал скалиться и опять свернулся у двери. Даже если бы у Кайнорта были силы вмешаться, он бы только закатил глаза. Нахель не привык, чтобы все вокруг были помешанные, включая теперь и его самого. И спорил так, будто доводы рассудка играли здесь какую-то роль. Тем временем Зеппе обхватил концентратор на манер загнанной хищниками раненой матери и прижимал к груди, судорожно укутывая рваным пледом. А сам отползал всё дальше в угол. Нахель фыркнул, глядя на складную пыхалку в руке Деус, но отступил. Бритцу захотелось, чтобы он ещё поупирался, и Деус прострелила бы ему колено. Желать этого было несправедливо, ведь Нахель явно не сознавал, что делал. Кайнорт против воли чувствовал за собой вину. Ему казалось, что он недостаточно ценил Пшолла все эти годы, гонял на астероид, бросил одного чинить тарталёт на острове... и вот теперь его у него забрали. Как забирают у ребёнка дорогую игрушку, с которой плохо обращались. Игрушка была отвратительной аналогией, просто Кайнорт параллельно, фоном, думал о детях. Он не хотел признавать, что потерял ещё и лучшего друга в такой момент.

– Ты сказала, Деа придёт? – спросил он, и Деус почему-то сникла.

– Не твоё дело. Всё равно ни уколы, ни концентратор не помогут, пока организм этого не захочет. Мы только потратим лекарства впустую, а тут не на каждом углу аптечный киоск, ты в курсе? И антибиотики я тебе не дам, пока не увижу, что ты намерен выздороветь.

– Я намерен, – Бритц придал голосу максимальной, оскорблённой в лучших намерениях, твёрдости. – Деус, у меня дети в заложниках.

– Дерьмово. В смысле, дерьмово, что ты ещё и размножаешься. Они у Зимары?

– Нет. Но чем скорее мы выиграем, тем скорее я получу их назад.

– Скажи это мокроте в лёгких! Тебе нужна мотивация. Эмоция какая-нибудь... жизнеутверждающая.

– Страх за детей недостаточно?

Деус нахмурила лимонный лоб и потёрла виски, раздражаясь:

– Это паника, ты просто себя со стороны не видишь! Найди то, что поднимет тебя с постели, а не рассыплет вот как сейчас. Ненависть, злоба, не знаю... месть.

– Эй, Деус! – озабоченно воскликнул Зеппе и постучал пальцем по виску. – Деус, детка, шапка прохудилась! Вон – потекло!

Деус лихорадочно схватила за помпон и, обнаружив, что он весь промок, метнулась на улицу. Дверь за ней смачно хлопнула, запустив в хибару клубы синего пара.

– Зачем ей вода в шапке? – удивился Нахель.

Он сидел насупленный, шлёпал себя по шее и ловил снежных блох, которых нахватался от песцов. Снаружи блох было не так-то просто отличить от обычных снежинок, но если снежинка не таяла уже пару часов, то скорее всего, уже присосалась и тянула тепло. Укус снежной блохи ощущался с непривычки как озноб. Зеппе бережно укладывал кислородный концентратор в ящик.

– Не вода, – буркнул он. – Лёд.

– А зачем?

– На спрос! Кто спросит, тому насосом засос.

Ясно, Зеппе ещё злился из-за того выпада. На бронзовом шлеме у старика болтались разнокалиберные провода и кабели с клеммами, зажимами, паяльными головками и магнитными тестерами для экспресс-диагностики приборов. Они подрагивали, когда Зеппе злился или нервничал, как сейчас.

В дверь снаружи заколотили. Это Деус вернулась, но Зеппе и ухом не повёл. А Деус тем временем перестала стучать и визжала, пинала, царапала обшивку. Сырок опять затыкал, Нахель подскочил с глоустером в лапище, чтобы открыть. Мало ли кто напал? Никогда Кайнорт

не видел его таким решительным. Но Зеппе встал между ним и дверью, ничуть, кажется, не напуганный:

- Не надо.
- Там минус двадцать три! Не дело башковитую насмерть морозить! Отпирай!
- Откроешь – пожалеешь, – отрезал Зеппе.
- Да что здесь происходит?!
- Она же не запирала... – сонно бормотал Бритц, но его будто не слышали.

На дверь навалились с разбегу. Раз, другой. И затихли. Сырок и Нахель переглянулись в недоумении. Спустя минуту в халупу как ни в чём не бывало ввалилась Деус, живая и здоровая.

– Поправила? – буднично бросил Зеппе. Он и не посмотрел в её сторону, продолжая паять какой-то механизм.

- Да!.. Ух... Напугала этих? Ну, ничего. Надо же, как не вовремя!

Кайнорт хотел буркнуть, что уж его-то она точно не напугала, но вместо этого захлебнулся на вдохе и зашёлся кашлем. Деус хлопывала иней с шубки. Из-за её спины показался Чивойт.

- Ме-е.
- Настырная зверюга! – погрозила ему кулаком Деус. – Ваша, что ли?
- Наша, – кивнул Нахель. – Бранианская безоаровая кошка.
- Приняла в потёмках за песца, хорошо, не сообразила, как стре... ладно.

Нахель только головой покачал. Отвернулся и устроился на своей лавке, чтобы вздремнуть. Чивойт безуспешно тыкался под лавки, но отовсюду его выгонял Сырок. Тогда Чивойт вспрыгнул на самый высокий и неустойчивый шкаф, забрался в пустую коробку и шипел оттуда. Деус ткнула Кайнорту ещё один укол и села рядом. Пыталась беззаботно посвистывать, но заметила, как Бритц прищурился.

- Что? – вскинулась Деус.
- Это и есть Деа?
- И как это ты... понял? – столько растерянности было в её бегающем взгляде, что Кайнорта даже не задело, что она будто не ожидала от него внимания к деталям.
- Ты в дверь снаружи ломилась от себя. А она на улицу открывается.
- Ишь, не дурак! – Деус хлопнула его по мочевому пузырю, и эзер болезненно скривился.
- Значит, эта шапка...
- Охлаждает. Вот, полюбуйся, твоя работа.

Она стянула её за помпон, но через секунду водрузила обратно на макушку. Под шапкой в скальпе Деус были просверлены десятки ровных дырочек, побольше и поменьше. Жуть трипофоба, а не скальп. Деус оттянула воротник сзади, и Кайнорт понял, что вдоль всего позвоночника тоже шли отверстия. В подкладке шапки хранился лёд.

– Сначала я использовала антифриз, но он быстро закончился. А льда здесь навалом, но пришлось просверлить дырки. Главное, не перегреваться, понимаешь? Иначе приходит *она*. Деа. Тупая и злобная тварь. Счастье, что у неё ума не достаёт ни с крименганом разобраться, ни даже с дверью.

– Диссоциативное расстройство идентичности? Ты что, повредила голову, когда на тебя упала та глыба?

- Когда *ты сбросил* на меня ту глыбу, – поправила Деус.

– Да я бы не тронул пигалицу, если бы ты не охотилась на охотников. Лично на меня бы не охотилась.

– А что *пигалище* было делать? Эзеры упекли меня во Френа-Маньяну, а когда поняли, что я нормальна, просто выкинули в лес. Если бы не Зеппе... Сначала я боролась за жизнь, потом за кусок хлеба. С бедолаг, за которыми вы гонялись, и взять-то было нечего. А помнишь, как

ты не удосужился даже проверить, убил ли меня? А я ждала. Ждала, что ты меня откопаешь, чтобы добить, тогда я бы добила тебя первой!

– Я знал.

– Поэтому-то я на тебя и зла. Зла на то, что ты оказался достаточно благоразумным, чтобы не считать себя умнее.

– Ну... зато теперь ты здесь как все. Как дома. На Зимаре нормальным не место.

– Заткнись!

Он говорил правду. Зимара была плохим местом для нормальных. Очень плохим. Кайнорт вспомнил об Эмбер, и каждая игледая жила в нём отозвалась жжением. Он очень, очень хотел, чтобы Альда не удовлетворилась быстрой смертью чёрной вдовы и захотела оставить её в живых, чтобы замучить позже... как бы жестоко это ни звучало. Наверное, противоречивое колебание отразилось на лице эзера, потому что Деус обеспокоенно нагнулась послушать дыхание.

– Ты что-то совсем посерел. Знаешь что? У меня слабость к сообразительным. За догадку насчёт двери я дам тебе антибиотик. А чтобы он не пропал впустую, тебе нужна живая кровь. Жвала-то сможешь выпустить?

У Бритца не хватило сил даже на кивок. Деус позвала ручного песка:

– Сырок! Ко мне. Иди, достойный зверь, спасти зверя недостойного.

Зверь зацокал коготками. Бритц не видел, что они делают, но вдруг запахло свежей кровью. Крылья носа дрогнули, откликаясь на спасительный аромат. Ему в ноги прыгнул песец и крался вдоль тела, прижимался всё ближе. Разлепив веки, Кайнорт увидел над собой белый мех, и пушистое облако окутало лицо. У зверя на горле кровоточила резаная рана. Бритц вдохнул запах чистого меха, мускуса и провёл рукой по пышному загривку песка. Сырок встал толстыми лапками ему на одно плечо и уложил морду на другое. На губы Кайнорту капнула кровь, сердце зашлось от жажды.

– Не миндальничай, упырь, просто пей, – устало подстегнула Деус.

Это была лучшая трапеза в его жизни. Получив несколько восхитительных глотков, Бритц лежал с закрытыми глазами и вдыхал кровавые пары.

– Деус, – шёпотом позвал он. – А туалет у вас где?

– Снаружи, в овраге. Тебе не дойти. Ведро вот тут поставлю.

Бритц пришёл в такой ужас, что едва не прожёл взглядом потолок. Ведро? При всех? Только не возвращение на Кармин, только не в казематы, твёрдо решил он.

– Не надо.

– Тебе виднее, конечно. Я десять лет мечтала увидеть, как Бритц обделается. В переносном смысле, конечно. Но подойдёт и буквальный. Спокойной ночи.

Она имела право быть сукой. Деус прошла в свой угол, по пути задев эмалированное ведро. Вскоре Чивойт почувал, что Сырку уже не до него, слез и уложил бородатую морду на колено Кайнорта. Где-то Бритц читал, что таким образом кошки лечат. С одной только поправкой. Он-то знал правду о безоаровой кошке, что напрочь отбивало даже эффект плацебо. Он вздохнул.

В тёмной тишине Кайнорт тщетно искал в себе тот самый жизнеутверждающий мотив, но с досадой обнаружил, что единственным мощным побуждением в его жизни в ту ночь стало желание наутро самостоятельно дойти до уборной. Деус сказала, ему требовался мощный стимул. Знала бы она... знал бы он сам, что единственное средство, способное поднять его с постели, – это граничащий с животным аристократический ужас перед эмалированным ведром.

Глава -24. Норман против ненормальных

Это была до того странная компания. Мы напоминали анекдот: собрались как-то в баре убийца, клякса, графоманка, хромой и невротик. И тут бармен говорит...

Только вместо бара была комната групповой терапии, а вместо бармена – главврач. Я опоздала. И вообще второй день вела себя отвратительно, но на то была уважительная причина. Ценой истерзанных стальными ухватами запястий я заставила Гриоику провести меня длинной дорогой, чтобы разобраться в перипетиях бентоса. Металась не в те коридоры, выскакивала с неправильной стороны проходной столовой, упиралась и просилась в другой туалет, хотя дальний был близнецом ближнего. Я побывала всюду, кроме чужих жилых отсеков. Но так ничего и не поняла. И не увидела лифт. В этой лечебнице всё нарочно устроили так, чтобы запутать пациентов, отбить даже мысли о побеге. Назначение треугольных комнат явно менялось, потому что мы ходили в одни и те же места разными путями. Подписаны были только жилые отсеки, и за два дня я добилась только обострения топографической агнозии.

Я присматривалась к замкам на отсеках. Гриоик запускал щупальце-кабель в круглую скважину и проворачивал его, как обычный ключ. У меня появилась идея, как раздобыть отпечаток, оставалось улучшить момент. Да только без схемы корпуса можно было бродить по комнатам в поисках лифта бесконечно. Или вскрыть замок прямым в карцер. Вот это был бы номер.

Когда я зашла в комнату групповой терапии, показалось, что в её центре зияла глубокая яма, но мои ноги убеждали, что пол поднимается. Трое полукругом сидели на стеклянных кубиках. Я узнала Дьяблокову и чёрную-пречёрную кляксу. В инвалидном кресле на гусеничном ходу, единственный не на кубе, сидел хилый старик. На своём увешанном аппаратами жизнеобеспечения троне он смотрелся очень жалким. Рядом вздрагивал паренёк. Пока Вион-Виварий поправлял какие-то трубки в носу у старика, я заняла один свободный куб из двух. На меня сразу покосились трое, хотя насчёт кляксы ничего нельзя было утверждать наверняка. Пациенты молча вытаращились на меня, потом на пятый свободный куб и опять на меня. Может, я заняла чьё-то место?

– Все в сборе! – Видра обернулся и хлопнул в ладоши.

Я заёрзала и ужаснулась. Куб подо мной был не стеклянный, а ледяной. Под кубы тех, кто пришёл раньше, уже порядочно накапало. Но лужи не растекались, значит, и подъём мне тоже почудился.

– А где доктор Кабошон? – жалобно поинтересовался паренёк рядом.

– Сколько раз повторять, Норман?!

Вион-Виварий шагнул к нему и размахнулся. Норман скукожился на кубе, я вздрогнула. Но Видра не ударил, а внезапно притормозил и ласково погладил паренька по плечу.

– Мы ведь это уже обсуждали. Доктор Кабошон уволился. Он больше не придёт.

– Мне становится хуже! Я... я постоянно падаю, я... плутаю, блуждаю. Иногда я чувствую, будто хожу вниз головой.

– Может, потому что ты псих? – предположила Дьяблокова, и Норман захлебнулся от ужаса:

– Я видел, как Трюфель зашёл в столовую прямо из спальни, как так может быть?! Из пятого отсека! И эзер Шампу из четвёртого, вы видели? – он озирался, ища поддержки, но все отводили взгляд. – Видели?.. Минута лифтовый холл!

Он принялся доставать из карманов пижамы скомканные салфетки, расправлять и сверять по ним какие-то схемы:

– Мне страшно, доктор Видра, я здесь с ума схожу...

– Вот ты и осознал наконец, что болен. Поздравляю, это хороший признак.

– Я здоров! – Норман высморкался в одну салфетку, другие спрятал за пазуху. – Я нормальный! Доктор Кабошон обещал во всём разобраться...

– Доктор Кабошон больше не придёт!

Вион-Виварий щёлкнул пальцами, и кубы взлетели. Все, даже пустой. Я уцепилась за ледяной край. Только старик в гусеничном кресле остался внизу и задирает голову на тонкой шее, чтобы взирать на нас и подслеповато шуриться.

– Это для общей безопасности, – пояснил Видра. – Чтобы вы не покидали мест в пылу дискуссии. Сегодня будет жарко! Я не стану препарировать ваши френи, психозы и мании, как доктор Кабошон. При всём уважении к коллеге. Вы сделаете это сами. Как известно, никто не знает вас лучше, чем... ваши соседи. – Вион-Виварий выдержал паузу, чтобы мы невольно переглянулись и опять уставились на главврача, привлечённые блеском его лысины. – Бентос – корпус для особо опасных пациентов. Но клиника Френа-Маньяна им не ограничивается. Там, надо льдом, есть нечто большее. Вольный комплекс Загородный Палисад. Никаких надоедливых санитаров, нормальная пища, комнаты на одного. Прогулки. Надежда выйти на свободу! Доктор Кабошон отбирал претендентов методами, которые изжили себя. Психиатрия не стоит на месте. Больше не будет изнурительных тестов, мучительных испытаний. Отныне вы сами будете решать, кто из вас недостоин.

– Достоин? – поправила клякса. Это был первый раз, когда она при мне подала голос, который показался глубоким и мягким, даже утешающим.

– Нет. Это было бы слишком, – процедил Видра. – Я могу лишь доверить вам самостоятельно назвать самого безумного из шестерых. Того, кто первым сойдёт с дистанции и отправится на анимедуллярный ляпискинез. Другие получают шанс. Одно имя – один голос против. Менять решение, вербовать, давить, манипулировать... – *можно*. Здесь всё как у нормальных людей. Поехали!

Я покосилась на свободный куб рядом. Видра предлагал выбирать из шестерых? Нас было пятеро, если, конечно, главврач не имел в виду и себя заодно. Ледяной куб был пуст на первый взгляд, но уж коли нашлась где-то клякса совершенно чёрная, значит, где-то водились и совершенно прозрачные. Там сидел кто-то невидимый. И холоднокровный, потому что с его места капало еле-еле. Подо мной уже скопилось целая лужа, а у куба Нормана растаяли края, потому что он непрестанно их теребил. И что за ляпискинез?

– Я против Дьяблоковой, – выбрала клякса.

И сразу пришлась мне по душе. Как только она назвала имя, под кубом Дьяблоковой вспыхнула горелка. Розоволосая подобрала ноги и закатила глаза:

– Кто бы сомневался, – всё-таки какой же противный был у неё голос. – А я за Нормана. То есть против. Против Нормана.

– Эй, как ты можешь? Эй, мы же из одного отсека! С одной планеты, блин!

– Норман, извини, но ты храпишь. Да, Сомн?

– По правде, Дьяблокова права, – еле слышно заметил старик со своего кресла. – Я слышу храп даже через стенку. Но не возьмусь определить, кто из них двоих храпит на самом деле. Я голосую против новенькой.

Хоть я и не собиралась принимать в этом участие на полном серьёзе, но покраснела до кончиков ушей. Меньше всего хотелось привлечь внимание сумасшедших, но второй день я только и делала, что нарывалась. И что, твою мать, за ляпискинез? Сомн поймал мой взгляд в порыве объясниться:

– Прошу прощения, – в извиняющейся улыбке старика не хватало зубов. – Я вас совершенно не знаю, это так. Но мне бы не хотелось портить отношения со старыми приятелями. К тому же эта латимерия с вами... рыба, которая, бежит... вряд ли при *такой* склонности вы настолько безобидны, насколько выглядите.

Под моим кубом зажглась горелка. Огонёк едва теплился, но всё могло стать хуже через пару голосов против. Досадно было, что Сомн пустился в объяснения. Они звучали слишком логично, и я боялась, что другие за это уцепятся. И тогда ко мне приставят ещё одного санитара, как к самой безумной во всей Френа-Маньяне.

– Осталось трое, – напомнил Вион-Виварий. – Что скажешь, Эмбер Лау?

– Я никого не знаю. Как я могу решать?

– Будешь тянуть – куб растает, и ты рухнешь.

– Что за ляпискинез?

– Процедура.

– Что за процедура?

– Ляпискинез.

Я поёрзала в сырой ямке, потёрла лицо ладонями и сдалась. Это была только игра. Я ведь не душевнобольная, чтобы поверить, что душевнобольным позволили решать, кто из них самый душевнобольной! В таком случае, оставался лишь один выбор:

– Я против, – махнула налево, где таял пустой куб, – вот этого.

– Голос против Вдруга, – объявил Вион-Виварий.

Прозрачный Вдруг не подал ни голоса, ни шороха, когда с его куба закапало на горелку. Я назвала его, только чтобы не глядеть в лицо своему выбору. А Норман повторил за мной:

– Тогда и я против Вдруга.

Огонь под ним стал вдвое ярче. Капли шипели в горелке. Вион-Виварий вгляделся в пустоту над кубом, прислушиваясь на одном ему доступной частоте, и объявил:

– Голос Вдруга против Нормана. Два-два, – он снова хлопнул в ладоши. – Второй раунд! Голоса только против Нормана или Вдруга.

– Вдруг, – сказала я.

– Норман, – сказала Дьяблокова.

– Норман – сказал Сомн.

– Вдруг, – сказала клякса.

Дьяблокова раздражённо качала коленками:

– Норман, сдавайся сам. Всё равно *всё* будет по-моему.

– Графоманка!

– Неврастеник.

– Бездарь!

– Статист.

– Дура!

– И это *мой* дурацкий сюжет!

Дьяблокова замахнулась карандашом. Норман дёрнулся назад. Взмахнул руками и, соскользнув с талого куба, упал. Правда, невысоко, кубы парили метрах, может быть, в трёх над полом. Но как-то неудачно кувыркнулся. Боднул порог и, всхлипнув, застыл. Языки пламени под кубами не давали разглядеть, в сознании ли он.

– Норман! – позвала я. Он не пошевелился. Первым порывом было спрыгнуть с куба и потрясти парня, но три метра – это три метра, и я вцепилась в лёд.

– Норм? – забеспокоилась клякса.

Вион-Виварий подошёл к Норману, откинул ему руку с лица носком ботинка и поискал пульс. У меня сердце застучало в горле. Видра поискал в другом месте и наконец в третьем.

– Группа приняла решение.

– Норм! – воскликнула клякса.

– Норман? – выдавила я и поняла, что грудь парня под клетчатой пижамой перестала трепыхаться. Комната поплыла перед глазами. Я схватилась за воздух и полетела с куба. Копчик хрустнул, горелка подожгла мне штанину. Прихлопывая пламя, я задом отползла в угол

прочь от Нормана. Я боялась его. Неосознанно, подспудно. Значит, он был уже мёртв. Только мигом позже положение его шеи показалось неестественным.

– Ну, что, Дьяблокова, довольна? – вскинулась клякса.

– Через твёрдый знак!!!

– Терапия окончена! – прогремел главврач.

Горелки погасли, кубы приземлились. Мы покидали комнату, и только я одна не смотрела на Нормана. На пороге валялась его мятая салфетка, а на ней какая-то схема. Пользуясь тем, что остальные не отрывали взгляд от тела, я сунула бумажный комочек в карман пижамы. В коридоре метались санитары. Я отшатнулась от Гриоика и припустила бегом.

– Сто пять! – прикрикнул санитар. – С-т-о-я-т-ь!

И подсёк канатом. Я упала на гипнотический пол. Гриоик сцапал меня за больную руку, но я дёрнулась изо всех сил. На рукаве проступила кровь, хватка стала железной. Мелькнула игла на конце щупальца. Я почувствовала укол через вестулу прямо в спинной мозг. И размякла. Мы потащились вслед за другими в столовую.

Там я упала третьей за стол к Сомну и кляксе. Рука болела от хватки санитары, но я не смела ни растереть её, ни тронуть. Ни даже отогнуть пижаму, чтобы осмотреть кожу.

– М-да, – выдавила Дьяблокова, ковыряясь в жиже за соседним столом. – Жаль.

– Тебе? – оглянулась клякса.

– Он же с самого начала напрашивался. А убивать статистов – плохой сюжетный ход. Хуже только возвращать из мёртвых.

– Твой бред сдирает с меня кожу. Отвратительно...

– Что же здесь отвратительного? – мягко заметил Сомн. – Мы все здесь на «ты» с трупами. Мы все убивали, а это всего лишь несчастный случай.

– Тем не менее, – Дьяблокова подвинулась к нам со своим стулом и понизила голос, – до тех пор, пока *она* не объявилась, никто на моей памяти здесь не умирал. Эмбер, ты сама себе не кажешься странной?

– Нет. Это совершенно ничего не значит.

– Это значит, что ты – мой главный герой.

– О. А это ещё не конец книги? – съязвила я.

– Эмбер! – одёрнула клякса. – Не подыгрывай ей. Сейчас она заявит, что взорвала Эзерминори, запихала Брану в кротовину, вытащила Брану из кротовины!

– Вот этими вот самыми пальчиками, – Дьяблокова изобразила, как печатает на клавиатуре, – я мну реальность, как пластилин.

– Понеслась волынка. Если ты такая всемогущая, что ж ты ещё не на воле?

– Да здесь же такой кладёз типажей.

– Тогда хоть сделай эту жижу удобоваримой.

– Если вы не будете страдать, кто это издаст? Вот если растворить парочку в кислоте. Или устроить эпидемию с паразитами. Или убить императора – вот это пожалуйста.

– Ого! Так-таки императора? И ты вот так запросто делишься планами? – поддела клякса.

– А кто мне помешает? Всё, что ты можешь, это закатить глаза, да и то никто не увидит.

Клякса коснулась антрацитовым кончиком пальца своей жижи, и та всосалась во тьму. А у меня перед глазами ещё лежал мёртвый Норман.

– А этот Вдруг, – вяло спросила я, ощущая действие успокоительного, – он что за существо?

– Так ты разве не поняла? – опешила Дьяблокова, но беззубый Сомн опять заступился:

– Она опоздала.

– А, точно. Так вот, до того, как ты заняла куб рядом с Норманом, там сидел Вдруг. Начинаешь соображать?

Я вспомнила, как клякса, Сомн и Дьяблокова вытаращились на меня, но так и не поняла отчего.

– По правде говоря... нет.

– Предвосхищаю рецензию: «Главная героиня – тупица!». Эмбер, а помнишь, вначале никто не голосовал против Вдруга, кроме тебя и Нормана? Норман-то просто повторял за тобой. А ты даже не догадывалась.

– Да о чём же?

– О том, кто на самом деле был самый сумасшедший в комнате! – воскликнула клякса. – Вион-Виварий Видра!

Шестерёнки завертелись. От нарастающего возбуждения я проглотила разом три ложки жижи. И поняла. Никогошеньки на том кубе не было. Вдруга *не существовало*. Воображаемый пациент! Я села на его место, но Видра не заметил сразу, а потом автоматически вообразил, будто Вдруг сидит на другом кубе. Позже, голосуя против Нормана якобы от имени Вдруга, главврач пытался спасти свою галлюцинацию вторым туром.

– Так вы все просто хотели избавиться от реального, а не воображаемого конкурента.

– Именно, – удовлетворилась моим интеллектом Дьяблокова. – Разумеется, никто не предполагал, что Норман вдруг умрёт, да ещё так глупо. Только в реальности можно свернуть шею, неудачно упав с табуретки. Но второстепенные персонажи порой непредсказуемы.

На её пронзительный голос к нам повернулись с других столиков. Скелетообразный эзер, худобу которого подчёркивали иссиня-чёрные брови и немые патлы. Трюфель в своей фольге. Триада Гуг, целиком похожая на трёхголовую жабу. Их санитары зорко следили за тем, чтобы триада не вздумала приступить к сезонному размножению прямо в столовой. Краем глаза я наблюдала, как Мильтон поспешно донёс горсть жижи до рта и скорее потянулся за второй, пока все пялились на нас. Дьяблокова достала мятый рулон туалетной бумаги:

– Ладно. Пойду отзывы читаю.

– Не воспринимай её всерьёз, – хмыкнула клякса, когда та ушла. – Параноидная шизофрения.

– Почему ты думаешь, я нормальнее?

– Тебя привезла Альда Хокс, так? Она и Нормана привезла когда-то. Я давно здесь, и ещё ни разу Полосатая Стерва не отправила сюда настоящего психа. Френа-Маньяна – просто свалка для сведения её личных счётов.

Сомн покончил с жижей, протёр столешницу насухо. И откланялся. Пациенты разбрелись из столовой. А я всё мялась, раздумывая, как бы подступиться с деликатным вопросом.

– Меня зовут Эстресса, – сказала клякса. – А то, поди-ка, уже придумала мне какое-нибудь прозвище.

– Нет, что ты, – соврала я. – Почему ты здесь?

– Сама сдалась.

– Сюда? Сама?

– Сложная история с грудой насильственной смерти. У меня нарушение синестезии: я пробую цвета на вкус, слышу мутность этой жижи. А если вздумаешь спеть, могу наброшиться, потому что у меня синяки от музыки. Самые обычные вещи, бывает, причиняют мне невыносимые страдания. От этого нет лекарства. Здесь не помогают, зато изолируют... от ни в чём не повинных. То, что нужно.

– Эстресса, ты ведь живёшь в одном отсеке с Трюфелем? – решила я.

– В пятом. Мы соседи с тобой.

– Ты не могла бы... не могла бы оторвать кусочек его фольги?

Клякса молчала, и я поспешила объяснить:

– У меня острая нехватка алюминия в организме. Я просто...

– Твой вопрос – красный, он щиплет мне язык и пахнет мускусом. – Эстресса подалась вперёд, накрыла мою руку своей чёрной, и мои пальцы исчезли. – Я всё понимаю, но хорошенько подумай. Замки в бентосе незамысловатые, потому что бежать на Зимаре некуда. Они тут даже на видеонаблюдение не тратятся. Хотя это, может, специально. Бюро ЧИЗ давно прикрыло бы клинику, попади им в руки запись из комнаты групповой терапии. И вот ещё: если тебя поймают, сделают ляпискинез.

– Да что же это такое?

– Они вынут твой мозг, оцифруют, исправят, как им заблагорассудится, и перенесут на кристалл. А кристалл отполируют и запишут в череп. Эту процедуру разработал доктор Кабошон. После того, как его раскритиковали за убийство сознания, он усовершенствовал процедуру. Пару лет назад. Якобы заключал здоровые ткани мозга в кристалл, а нездоровые заменял каменными. Но когда начал испытания на людях, вдруг... пропал.

С трудом представлялось, что за чудовища выходили из операционной. В любом из двух случаев, что с Кабошоном, что без, это означало смерть сознания. Замена его другим. Искалеченным. Пусть даже «исправленным», но уже не моим.

– Эстресса, если я пробуду здесь ещё хоть неделю, и ляпискинез покажется выходом. Я скоро стану как Норман, я...

Едва сдержалась, чтобы не крикнуть как Норман: «Я нормальная!». Но в моём взгляде Эстресса, наверное, почувствовала особенный вкус или запах. Это была не просьба, а терпкая, по-зелёному тоскливая мольба. Клякса откинулась на стуле и, помолчав, зашептала:

– Тебя выводят в туалет сразу после нашего отсека. Вечером я оставлю фольгу под раковиной. – Эстресса помолчала ещё, и её чернота сгустилась пуще прежнего. – Здесь что-то затевается. Поэтому... да, наверное, тебе лучше выбираться отсюда. Те, кто пришёл за последние пару лет, говорят о странном снегопаде. Говорят, снежинки танцуют. То вниз, то вверх... Говорят, некоторые так и не падают на землю. Что-то случилось на Зимаре. Эти снежинки – чьи-то шпионы. А теперь уходи, Эмбер, иначе подумают, что мы что-то замыслиаем.

Я прикончила жижу и даже не поморщилась, потому что теперь мне нужны были силы, чтобы заварить настоящую кашу.

– Гриоик, – спросила я в коридоре, – а что за доктор такой был, Кабошон?

– Мне затрещина обсуждать это с пациентами.

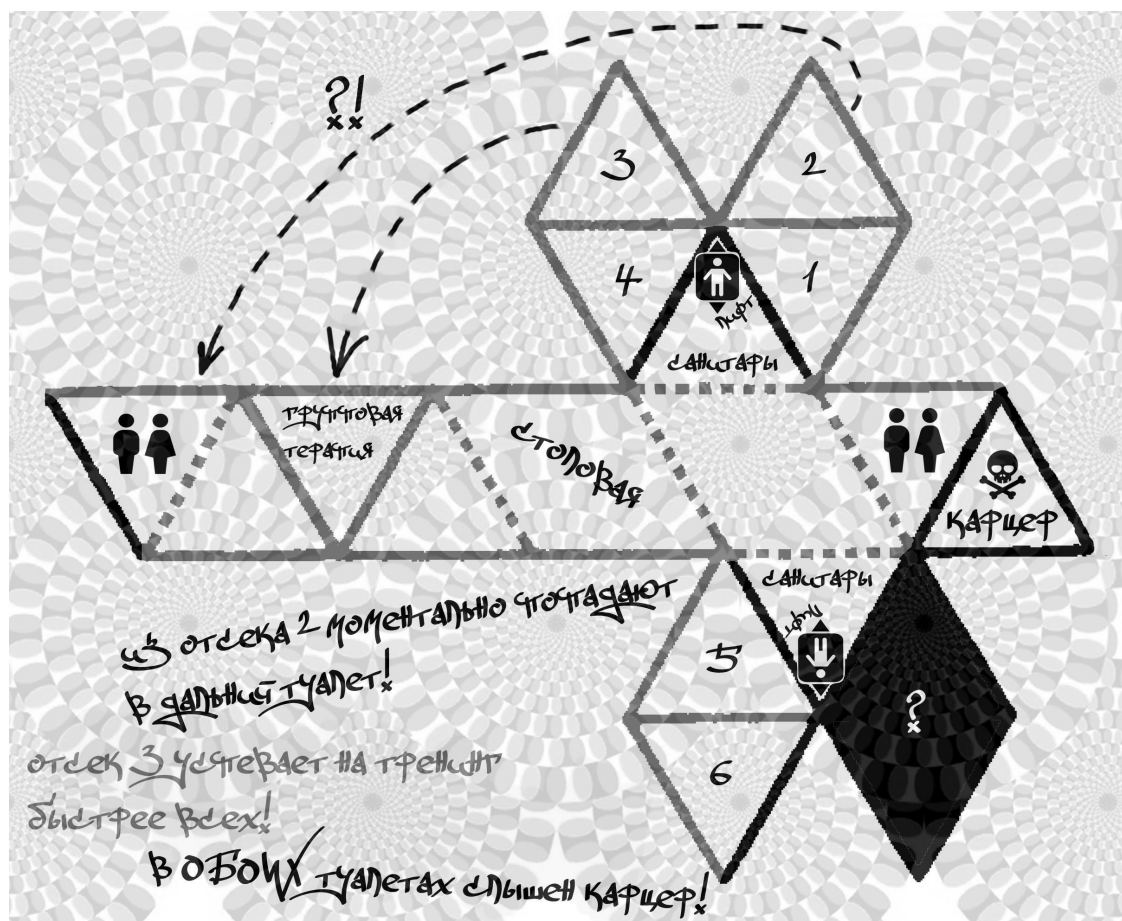
– Гриоик. А хочешь, я тебя почию?

– Благодарю, я в полном придатке. Перчатке. Я в полном потерятке.

Он провернул щупальце в замочной скважине, и, оказавшись в отсеке 6, я закатала рукав. На обожжённом до вишнёвой красноты запястье был выдавлен след от кабеля Гриоика. Отпечаток ключа. И он был хорош для своей цены.

* * *

Ка-Пча в своём гамаке сосредоточенно начищал ушные болты. Я тоже забралась в гамак и развернула салфетку Нормана. Чернила размазались, но изображение всё ещё можно было разобрать. Должно быть, он выкрал карандаш у Дьяблоковой, потому что писчие принадлежности имела она одна во всём бентосе. Видимо, ей разрешили в виде исключения, чтобы не принялась писать кровью на стенах.

В первые секунды игра воображения не давала сосредоточиться ни на чём, кроме силуэта. Хвост... крылья... Я зажала рот кулаком, чтобы не закричать, пронзительно и жутко, как Зев Гуг. В тишине отсека дыхание с шипением рвалось из груди. Ка-Пча сверлил болтами ушные проходы, а взглядом – меня. Я ещё не решила, доверять ли ему, и взяла себя в руки.

Салфетка была тёплой и чуть влажной. Хотелось думать, что схема Нормана сохранила именно его, ещё живое, тепло. Может быть, действительно он был единственным нормальным на нашем дне. Потому что ему удалось невероятное. Зарисовать план. Вот только природа не заложила в Нормана тяги к побегу. Я припомнила: его санитаром была нелепая рыба-капля. Грустная и безобидная. А ко мне зывали хвост и крылья на схеме. Может, это *он* прощал меня с того света? Или куда там уходили миноры, погибая?

«Она твоя ши?» – «Моя жи».

Как ему удалось вместить так много света в полтора слова? Что же я скажу детям, когда вернусь? Я выбралась из красных коридоров карминского бункера и оказалась в аду. Наверное, я опять нырнула глубоко в себя. Кто-то тряс меня за плечо.

– Эмбер. Ты промываешь слёзные каналы?

– А, да, Еклер, – как же хотелось, чтобы меня разбудил *другой* голос, но я помотала головой в той реальности, из которой мне предстояло бежать в одиночку. – Всё в порядке. Вот скажи как робот. Ты замечал, что санитары используют всюду один и тот же ключ?

– А тебе это зачем? Это не то, о чём следует знать санитарам?

– Еклер, здесь обитают опасные сумасшедшие. Что, если кто-нибудь изготовит отмычку и сбежит? Ключ-то хотя бы электромагнитный?

– Из-за высокой влажности и магнитных бурь в бентосе механические замки. Я уверен, потому что, когда их меняли, я целую неделю пытался штифтами. Да, ключ один, но рядом с лифтом всегда дежурит санитар. И бежать на Зимаре некуда.

Двери, отмеченные чёрным на схеме, не имели замочных скважин изнутри жилых отсеков. Даже если бы я пробралась в отсек 5, то попасть оттуда напрямую в лифтовый холл было нельзя. Но меня заинтересовали заметки, которые Норман оставил на схеме.

«Из отсека 2 моментально попадают в дальний туалет!»

«Отсек 3 успевает на тренинг быстрее всех!»

«В ОБОИХ туалетах слышен карцер!»

Его это дезориентировало, но для мехатроника всё было очевидным. Минипорты. Как это я раньше не догадалась? Так, утром Гриоик выводил меня из отсека 6 напрямую в коридор между столовой и комнатой групповой терапии. Никакого коридора между ними на плане не значилось. Но всё прояснялось, стоило добавить в уравнение телепортацию. Эзеры обожали воровать имперские технологии.

– Сегодня на групповой терапии упоминали доктора Кабошона, – сказала я, будто бы уходя от скользкой темы с ключами. – Почему он уволился?

– Мой санитар признался, что доктор Кабошон бесследно пропал. Это он изобрёл знаменитый анимедуллярный ляпискинез. Перемещение души из мозга в камень, если переводить дословно. Великолепная технология.

– Звучит так, будто ты бы не отказался от процедуры.

– Разумеется. Что за робот отказался бы усовершенствовать мозг? Вот только один Кабошон догадался, как частично сохранять пациенту его собственное сознание. Но так и не получил патент. Ляпискинез без него так и проводят по старой технологии. Такая потеря для науки.

Рядом с гамаком Еклера чернела замочная скважина в смежный отсек 5. Я пока не придумала, как скрыть от Еклера план по изготовлению ключа из фольги. И уж тем более, как перетянуть Ка-Пчу на свою сторону.

Вечером, когда нас выводили в туалет, я нашла аккуратно разглаженный кусок алюминиевой фольги. Эстресса приклеила его под раковину на жижу от завтрака. На блестящей поверхности она выдавила:

«Грузовая гломериды послезавтра ночью».

Я смяла фольгу и зажала в кулаке. Эстресса намекала, что, если я не хочу замёрзнуть, едва выбравшись на волю, то должна поторопиться. Вряд ли на Зимару возили грузы каждую неделю.

Когда в отсеке гасили дневной свет, оставалась слабая иллюминация вдоль стыков на стенах. В мистической полутьме я приложила фольгу к правому запястью и скопировала отпечаток. Аккуратно выдавив нужную форму, принялась наглаивать и уплотнять фольгу, пока отпечаток не стал похож на кончик щупальца, которым Гриоик отпирал отсеки. Настала пора испытать ключ. Выбор пал на скважину, дверь которой вела в пустой коридор между столовой и комнатой групповой терапии. В самом деле, не ломиться же к Эстрессе в смежный отсек посреди ночи. Ключ подошёл с первого раза.

Но не провернулся. Фольга оказалась слишком мягкой. При второй попытке ключ вообще скукожился на полдороге. Я пожевала алюминий, уплотнила ключ – но он всё равно гнулся и рвался при повороте. А ведь даже при лучшем раскладе мне пришлось бы использовать ключ дважды. Моё плечо сцапал Еклер:

– Ты пытаешься сбежать, дикая кожура!

– Постой! – я перехватила его руку своей, как клещами. – Ты не можешь сдать меня механическим санитарам. Я человек. Они навредят мне!

– Тогда я позову доктора Видру, – упирался Еклер.

– Нет, не можешь. Знаешь, в чём отличие между эзерами и шчерами?

– Разумеется, – с вызовом вскинулся Ка-Пча. – Эзеры – насекомые, способные превращаться в людей, а шчеры – люди, способные...

– Вот именно, – перебила я и подняла указательный палец к его носу. – Я – человек, а доктор Вион-Виварий Видра – нет.

Еклер вырвался, но явно смутился. Он шатко вернулся в гамак и уселся в нём, молча кусая щёки изнутри. А я осталась вариться в недоумении. Чем можно было укрепить чёртов ключ? Еклер ворочался, напрочь забывая жужжать и пищать, и наконец подал голос:

– Ты погибнешь на воле. Там бескрайняя ледяная пустыня. Если я не пущу тебя, это будет проявлением заботы.

– Послезавтра прибывает грузовая гломериды.

– А, тогда не о чем волноваться, – бодро выдохнул Ка-Пча и добавил:

– Потому что ты точно никуда не уйдёшь.

– Это ещё почему?

– Сонар Гуг в пятом отсеке с ума сходит от гула тормозных турбин, когда корабль садится на лёд. В прошлый раз Зев Гуг начал орать, и нам всем пустили газ. Зажать ему рот сложно, а если попытаешься, Бельма и Сонар начнут биться головами о стены. И нам опять-таки пустят газ. Спокойной ночи.

* * *

– Эстресса, мне нужен лёд.

На следующее утро я была самой подозрительной в столовой, потому что уплетала жижу за обе щеки. Я же не хотела свалиться в обморок при побеге. Или умереть от истощения в грузовой гломериде. Сюда-то она везла провиант, а обратно – мусор.

– Лёд есть только в комнате групповой терапии, – шепнула клякса. – А ни ты, ни я в ближайшее время туда не попадём. Ни даже Сомн. Из более-менее адекватных остался только Шампу, эзер из отсека 4. Но я не знаю, когда его очередь идти на тренинг.

– А сегодня чья?

– Триады Гуг и Трюфеля. С жабами из Триады лучше не связываться. А Трюфель попросит об ответной услуге.

– Пообещай от моего имени что угодно, – расщедрилась я. – Завтра ночью меня здесь уже не будет. Но ему ведь необязательно знать. Скажи, что лёд мне для обезболивания ожога.

– Звучит правдоподобно. Но ведь он растает до срока.

– Выбора нет. Впрочем, в отсеках холодно... и у меня есть фольга. И... попроси тогда кусок побольше.

* * *

Кусок льда размером с кулак плавал в унитазе, когда вечером я отправилась по нужде. Если не знать, что и где искать, прозрачный многогранник почти невозможно было заметить. После отбоя я откусила от большого куска подходящую часть и долго плавила горячими пальцами, чтобы придать нужную форму. Готовый ключ обернула фольгой, чтобы не подтаял слишком быстро. В остатки фольги отправился и большой кусок, и я надеялась, что назавтра от него хоть что-нибудь останется.

– Неправда, мне не вынут, не вынут мозги-и-и! – воскликнул Зев Гуг, внезапно садясь в гамаке. – Доктор Видра сказал, что убийца минори ведёт себя хуже!.. Следующая – она, а не я, не я!

Это меня ещё как подстегнуло. Ледяной ключ повернулся в скважине! Но дверь не поддалась. В отчаянии я хлопнула по ней ладонью и услышала писк, каким Еклер Ка-Пча сопровождал движения. Когда не забывал, конечно.

– Вторая половина цилиндра замка осталась неподвижной, – судя по голосу, в нём боролись разум человека и безумие робота, и я, к стыду своему, надеялась на победу второго. – Все вы, первобытные фантики, крайне невнимательны. Щупальца санитаров намагничены.

Вот почему хватка Гриоика была железной. Я опять поплатилась за невнимательность. Ключ цеплялся к личинке замка на противоположной стороне двери, и обе части вертелись вместе. Но в бентосе не то что сильный магнит, даже карандаш был роскошью! Я уже собиралась опять хорошенько промыть слёзные каналы, когда Еклера одолел страх за первобытного фантика, которому грозил ляпискинез вне очереди. Иногда и плохие новости играли на руку.

– Перед прилётом грузовой гломериды санитары сортируют мусор на вывоз, – сказал он. – А так как это случается раз в год, сортировочную станцию капитально ремонтируют.

– И?..

– Знаешь, что такое магнитная сортировка? Утром предложу тебе приправить завтрак детальками сепаратора.

Для сортировки полимеров и отлова металлов на Урьяи использовали стержни из неомимовых магнитов. Мои губы расплзлись в улыбке:

– Не откажусь от такой приправы.

Еклера обыскивали всякий раз на выходе из столовой. Чтобы и шпунтика не утащил в отсек. Даже за щёки лезли с фонариком. Но ко мне-то нет! Кто бы мог заподозрить, что я ем магниты?

Идеальному плану не хватало сущей мелочи. А мне не хватало половины мира. Перед сном я вывела пальцем в темноте слова, которые, как я думала раньше, взорвут мою вселенную. А они её осветили.

Глава -25. Четвёртое тело Платона

– Нас найдут, – Миаш копил уверенность для этой фразы весь день. – Папа нас найдёт и спасёт. Всё будет хорошо.

– Они убили Катавасю. Никто нас не найдёт. Ничего не будет хорошо.

Уверенности в голосе Юфи было хоть отбавляй. Она злилась, потому что уже не могла плакать. Дети сидели одни в каменном мешке. В одном углу стоял большой ящик с мятыми банками просроченной детской крови «Эритрошка» и пакетом пищевых капсул. А в другом горел камин из «твёрдого огня»: кирпичиков тантала, вступающих в реакцию с углеродными нитями. Жить можно, но Миаш и Юфи дрожали от страха. В третьем углу была санитарная дырка. Из неё подвывал сквозняк. В четвёртый угол, самый тёмный, забрались дети. В животе у котика по кличке Катавася была рваная дырка, игрушку испачкала кровь с ладошки Юфи. Уже который день никто к ним не заглядывал, ничего не происходило.

– Зато у нас есть Мультик, – бодрился Миаш, хотя и не представлял, на что им бот-барабашка, который спрятался у мальчика в рукаве на Урьюи. – Он живой.

– Зачем этот дядька выдрал мне зуб? – дулась Юфи. – Он даже совсем не качался!

– Он и мне выдрал, Юфи. Там же у нас были маячки, по которым папа...

Миаш сразу пожалел, что сказал. Он не собирался озадачивать сестру вопросом, как же папа найдёт их без маячков. Но Юфи не могла вместить ни капельки нового страха, у неё и от старого не сходили мурашки. В их тюрьме было круглое окно с сапфировой расстекловкой. Миаш разогнул затёкшие коленки и подскочил на месте:

– Смотри! Смотри, Юфи, медуза!

– Это Мультик... Всего-навсего твой бесполезный Мультик.

– Да нет! За окном!

Он поднялся на спичечных ножках, по стенке прокрался к окну и встал во весь рост. Впервые за несколько дней. До этого он лишь ползком выбирался на охоту за едой в угол с припасами, к дырке со сквозняком и обратно, а Юфи лежала калачиком или шмыгала, прижав коленки к щекам. В небе над ними застыл купол гигантской белой медузы, которую издалека можно было принять за облако снеговой грозы. Но у этого облака была юбка, под которой танцевали щупальца. Медуза повернулась, но не рассеялась на ветру, а уплыла по небу, стрекая другие тучи на своём пути.

– Ого! – Миаш прижал нос к стеклу. – Иди посмотри, Юфи... Это лапы. И но-о-ос!

Юфи осторожно выглянула из-за плеча брата. И сжала Катавасю так, что из его смертельной раны посыпался сушённый зверобой, которым его набили. Сначала сестра не поняла, куда смотреть. Всюду, куда ни глянь, простиралась белая пустыня, а горизонт завесил тюль косых снегопадов. Но Юфи проследила за пальцем Миаша и ахнула. Справа, прямо возле окна, вперёд выдавалась востроносая каменная морда, присыпанная снегом, а внизу исполинские звериные лапы обнимали вход в башню. Детей заточили внутри здорового каменного песка. Миаш и Юфи глядели на Зимару из сапфирового глаза.

* * *

Я не зря говорила Каю (*режущая боль!*), что вокруг меня всё стремится к нулю. Наутро я сидела в столовой напротив Еклера, с магнитными стержнями за щеками, и в этой части план шёл как по маслу. Но – лёд, припрятанный на вечер, растаял. Не весь, то есть не так, чтобы смириться и передумать, а так, чтобы до обеда ещё можно было сбежать (да некуда), а к вечеру уже никак. И то, что он ещё доживал в мокрой фольге, на изнанке моего гамака, терзало меня, как крапивница. Да так, что я начала икать и едва не проглотила неодимовый магнит.

– Кто посмел! – воскликнул Зев Гуг, когда Бельме Гуг прямо в глаз попал солнечный зайчик.

Трюфель занимался излюбленным глумлением: доставал триаду. Он отражал свет санитар-удильщика Ка-Пчи при помощи ловко подставленного локтя в фольге и дразнил самку Гуг. Но сам прятался за Мильтоном, и бедняге то и дело доставался беглый взгляд от Бельмы. Мильтон замирал каждые несколько секунд в позе одна нелепее другой, весь вымазался в жиже, но ни капли не донёс до рта. А когда донёс, то подавился под новым взглядом, и жижа потекла через нос. После этого Трюфель дал Мильтону передохнуть, но только затем, чтобы заставить Бельму Гуг, охотясь за солнечным зайчиком, взглянуть на Мильтона во все глаза. Мильтон как раз собирался уйти и упал со стула. У него равномерно полопались сосуды в глазах от злости. И тогда я поняла, что кое-кому нужна моя помощь.

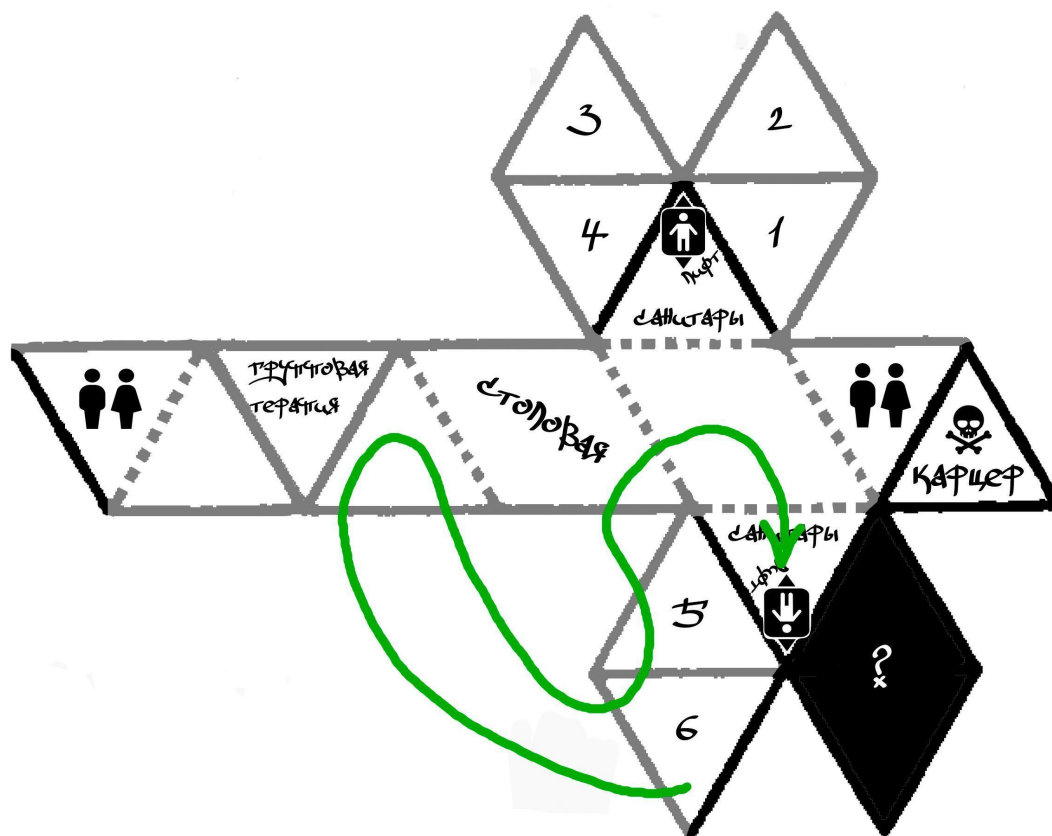
Я достала припрятанный кусок фольги и на пару с Трюфелем пустила зайчика в глаза Бельмы. Он в левый, я в правый. А сами мы зажмурились. Двух секунд хватило, чтобы Мильтон квантовой кошкой бросился животом прямо на стол триады Гуг и вцепился в горло Бельмы.

Но выпад его был обречён, потому что Мильтон опять привлёк наше внимание, и ещё две секунды спустя Сонар и Зев колошматили его, обездвиженного, а Бельма зорко следила, чтобы жертва оставалась в фокусе.

– Санитар!!! – закричала я.

Ка-Пча и Трюфель чистосердечно заверили, что жабы Сонар и Зев с подначки Бельмы избили Мильтона до необратимой потери веры в психиатрию. И триаду Гуг в полном составе препроводили в карцер с приговором «До утра». Моя маленькая гадкая антреприза перешла от экспозиции к завязке.

Да, пришлось поведать Трюфелю о побеге. И не только потому, что понадобилась его помощь с триадой. А и потому, что маршрут вышел такой:

Я думала, думала, думала, как вывести санитара из лифтового холла и разминуться с ним... и не придумала ничего лучше, чем на шуметь в коридоре, вернуться к себе и, пока санитар выясняет причину шума в коридоре, пройти через отсек 5 в столовую, а оттуда к лифту. Но для этого пришлось заручиться молчанием Трюфеля и пообещать, что пришлю ему с воли вагон новой фольги взамен потрёпанной.

* * *

После обеда удача, которая вручила мне подарок, отошла подальше, чтобы отпустить другой конец резинки и наблюдать, как он щёлкнет меня по носу. Эзер Шампу добыл для меня ещё льда! Но (*резинкой щёлк!*) за ужином Эстресса огорошила:

- Трюфель идёт с тобой.
- Что?!
- Он сам, говорит, только о побеге и думал. И тут случилась ты.
- Это удваивает риск. Нет, умножает его на десять.
- Я ничего не могла поделать... – Голос кляксы подрагивал, и вся она вибрировала по краям от волнения. – Он же достал для тебя лёд.
- Который растаял.
- Всё равно. И утром довёл триаду.
- Ему же не терпелось от неё избавиться, это я подала ему идею, за которую он мне теперь сам должен, – буркнула я.

Обожжённую руку опять заломило, до того я напряглась. Эстресса нервно втянула сопливую жижу со стола.

– Как знать, может, он тебе ещё пригодится, – подбодрила она.

– Передай спасибо Шампу за новый кусок льда. Так славно, что ты догадалась попросить ещё.

– Что? – Эстресса подалась ко мне через стол. – Я не просила его. Утром Шампу рано забрали на тренинг, мне даже не удалось с ним переговорить. Прости, но я не догадалась, что тебе нужен новый лёд. Всё время забываю, что он тает. Я росла в лаборатории песчаной Кси...

Равновесие удачи и неудачи оказалось под угрозой. Кто же мог оставить новый лёд? Если не Шампу... То уж точно не Мильтон. И не Ка-Пча. Он пропустил тренинг на ледяных кубах, чтобы помочь санитарам отладить сепараторы и получить в награду магниты для меня. Трюфель не ходил на тренинг, да и он перецапался со всеми в бентосе. Я рискнула признаться ему в побеге, только потому что характер у нашей конфетки был несладкий. Эстресса сказала, что на её памяти он не избил только Сомна, потому что у безобидного старика во рту давно не водилось того, что можно было выбить.

– Это может быть чья-то ловушка, но риск оправдан, – решила я. – Что касается этого места, бежать отсюда можно или сразу, или уже никогда.

После ужина я ради разнообразия попросилась у Гриоика в другой туалет. И обнаружила там лёд. Ещё один. Он подтаял по краям. Видимо, плавал с обеда. С трудом представляла, что ему пришлось пережить. Но свобода не пахнет. Сначала я по инерции обрадовалась: аж два осколка льда. На два, даже на три ключа – тай не хочу! Это было слишком удачно, так удачно, что даже ужасно. И никаких но в противовес на этот раз. Ощущение ловушки едва не отбило желание бежать. Если бы следующая грузовая гломериды не прибывала только через год, я бы вняла разуму. Но разум вопил и бился о мягкие стены моего серого вещества впустую.

В полночь по стенам бентоса прошла дрожь. Грузовая гломериды приледнилась, но двигатели не выключила, потому что через полчаса ей надлежало убираться с Зимары, покуда не начался ураган. Я сидела у замочной скважины с тремя ключами наготове. Начинённый магнитами лёд, обёрнутый фольгой. Холодные конфетки. Первый ключ подходил точь-в-точь, а те, что про запас, были чуточку велики и должны были подтаять с разницей в десять минут. По спине так текло, что я грозила растаять быстрее ключей.

– Там оставили по одному санитару на холл, – напомнил Ка-Пча. – А другие на погрузке отходов.

Он вручил мне один из ушных болтов с таким апломбом, будто это была премия за идиотский риск года. Я повернула ключ. Толкнув дверь, шагнула в коридор между столовой и комнатой групповой терапии. В мандраже даже не почувствовала действия минипорта. Впрочем, я никогда им не пользовалась сама и не знала, что там положено ощущать по поводу квантового скачка. Теперь надо было устроить то, что в страшилках называют «подозрительный шум». Болт Ка-Пчи полетел в стекло проходной двери столовой. Это не возымело эффекта. Я пошарила в темноте, но не нашла болта. Чёрт. Я вернулась назад.

– Нужен второй болт, Еклер.

– Я же не могу отдать тебе весь крепёж, безрассудная человечка. На втором болте держатся полушария моего церебрума.

– Ка-Пча. Милый Ка-Пча, – я едва сдерживала себя, чтобы не щёлкнуть Еклера по прыщу на лбу. – Мне придётся обратиться с официальной жалобой в Бюро ЧИЗ по случаю вопиющего неповиновения робота человеку.

Ка-Пча прихватил себя пальцами левой руки за макушку, придерживая её, и вывинтил второй болт. В его глазах стоял ужас, перемешанный с сосредоточенностью. В итоге болт упал к моим ногам, а Ка-Пча побелевшими пальцами сдавливал себе череп. Мне стало его жаль. Конечно, никакие полушария этот несчастный болт с остатками ушной серы не сдерживал. Но что, если от переживаний с Еклером случился бы припадок? Кровоизлияние в мозг? Разрыв аневризмы?

– Еклер, спасибо за всё! – проквала я, едва не плача от стыда и волнения.

Второй болт наделал больше шума. Послышалась возня, с которой санитары летали по коридорам. Я спряталась обратно в свой отсек и заперлась. При каждом повороте ключа перед глазами вспыхивала и гасла мольба:

«Мамочка, помоги!»

Я прыжком пересекла отсек 6 и отперла дверь к соседям. Эстресса давно ждала меня и затащила внутрь:

– Не теряй времени, – командовала она. – Ты задержалась на две минуты. Трюфель, смотри у меня! Понял?

Трюфель не ответил. Он вообще редко изъяснялся ртом, чаще за него красноречиво, то есть фингалосинюшно говорили тумачи. Он боялся одну Эстрессу, как иные боятся темноты. Отпирая дверь в столовую, я не удержалась:

– Пойдём с нами заодно?

– Я опасная лабораторная тварь, Эмбер, – произнесла клякса без обиды и сожаления. – Иди. Меня, быть может, переведут в Загородный Палисад.

– Прощай. Спасибо! Эстресса, я буду искать лекарство от твоей болезни, и как только...

– Пошевеливайся!

Из столовой мы пробрались в коридор и обнаружили, что во втором лифтовом холле, который прилегал к нашим отсекам, чисто. Я уселась у скважины панели вызова лифта. Кончики пальцев лоснились от пота. Первый ключ уже подтаял и на первой попытке сломался, но не успела я достать второй, как в шахте загудело. Кто-то ехал снаружи.

– Трюфель, сюда! – я ущипнула его за алюминиевый локоть.

Трюфель упирался и не хотел покидать холл. Тогда я потянула силком, но он взбрыкнул, и у меня в кулаке осталась фольга. Со стороны столовой уже возвращался санитар, который улетел на «подозрительный шум». Я выбежала из холла одна и завернула в ближний туалет.

У лифта послышалась возня, шелест, но почти моментально всё стихло. Трюфеля, стало быть, упаковали. Санитар вернулся на пост: в холле трещали его механические плавники. Но в коридоре прямо за туалетом кто-то стоял. На гломериду я не успевала, но и вернуться в отсек 5 не могла. На весь коридор ругался главврач. Я сначала решила переждать в туалете рядом с карцером. Но Вион-Виварий в коридоре бросил: «Так, чтоб, пока я отливаю, навели порядок...»

Тогда я стала ломиться туда, где на плане Нормана было пусто. Ведь если есть дверь – есть и выход. Конечно, если вы не в магазине дверей...

«Пап, помоги!»

Видра шагнул в туалет, а я – секундой раньше – за дверь. И сразу во что-то вляпалась. Когда глаза привыкли к ночникам, я обнаружила себя по щиколотку в густой амальгаме. Лужа колыбалась в ритме дыхания. Я решила, что попала в технический коридор, но в углу проступил пустой гамак, в другом углу ещё один. В третьем кто-то зашевелился. Значит, я опять прокатилась на минипорте, который вёл из туалета в отсек 1. На полу, расчерченном серой сеткой, мелькали чёрные точки, но это была только иллюзия. Точки в пересечениях линий сетки были неподвижны, но мозг не умел ухватить сразу все и видел то одни, то другие. Я помотала головой, но точки продолжали плясать.

– Мясо! – внезапный голос был мужским, но писклявым, с надрывом. – Гертруда, держи... держи мясо!

Лужа поползла вверх, глотая штанину складка за складкой. Тихонько пискнув, я стряхнула её с коленей, но Гертруда оказалась липкой, как столярный клей. Я еле выдернула руки и часто затопала по амальгаме, теряя тапки. Голосок заблеял над ухом:

– Поужинаем вдвоём, Гертруда! Только первым делом брызни ей в глаза!

Из тьмы проступила знакомая пятерня, и в ту же секунду, как попалась на глаза, застыла. А следом на пол повалился Мильтон. Зря я его жалела в столовой, ох, зря. Стараясь не сводить с него взгляда, я оторвала Гертруду с пижамы и рванула вдоль стены. Пятилась и нащупывала скважину в любой двери, хоть куда-нибудь. Искать приходилось на ощупь, потому что Мильтон, когда на него не смотрели, двигался со скоростью кванта. Его соседка Гертруда преследовала меня вдоль стен, за моими пятками тащилась липкая зеркальная гадость. Я понятия не имела, что это за вещество, но матерчатые тапки давно соскользнули и пропали. Пижамные брюки трещали, лужа пыталась стянуть их с меня, всосать, как две макароны с вилки. Скважина не находилась. Я решила, что в этот отсек попадали только снаружи. Но потратила секунду, чтобы отвернуться и поискать выход. Одну секунду! Гертруда цапнула меня за обе ноги. Обернувшись, я увидела, что Мильтона нет там, где он валялся. И тотчас столкнулась с ним нос к носу! Я обмерла от ужаса. Он успел подскочить ко мне, ещё секунда – и свернул бы шею. Но теперь замер со скрюченными пальцами, выпученными глазами, разинутым ртом. И мясистым языком, который розовой креветкой тянулся к моему лицу. С него капала слюна, и он почти касался кончика моего носа. Я не могла двинуться в тисках Гертруды, сползла наискосок по стене, не моргая. Мильтону нельзя было давать и мига форы.

Скважина обнаружилась, когда я, наклоняясь, чтобы вставить ключ, упала в Гертруду. Лужа захлестнула мне лицо. Ключ утонул. Я вынырнула и поняла, что Мильтон стоит на четвереньках и держит меня за волосы. Мой взгляд остановил его, и вот так, стоя на карачках, с волосами, намотанными на его кулак, я отпихнула Гертруду и достала запасной ключ. Он повернулся в скважине. Оставила волосы с затылка Мильтону и кожу с мозоли на пятке Гертруде и вывалилась. Куда-то. Да в тот момент я бы обрадовалась даже Скрибе Кольщику!

У меня остался последний ледяной ключ. Я ступила куда-то босыми ногами. Это был не туалет, слишком мало было света. И не лифтовый холл. Значит, отсек 2. На стенах зелёные цилиндры отбрасывали тень на чёрные квадраты и манипулировали серыми, чтобы те казались разного оттенка, хотя на самом деле были одинаковы. Вместо гамака в углу напротив высилась груда кружек, чашек, стаканов, бокалов. Из некоторых торчали карандаши.

– Параноидная шизофрения, – Дьяблокова сидела в одиночестве и болтала ногой. – Так написано в моей карте. А знаешь, что написано в минус двадцать пятой главе?

Я помотала головой и сглотнула. Дьяблокова была *настолько* сильно психической, что с равной вероятностью могла кликнуть санитаров, загрызть или помочь. Она указала на грудь в углу.

– Вон там посмотри.

Я послушалась. Побоялась спорить, не удостоверившись прежде, что она агрессивна не сильнее, чем обычно. На дне каждой пыльной кружки цвела развесистая плесень. Ни одна микологическая лаборатория не сравнилась бы с этим садом по разнообразию расцветки, форм, вони и пушистости. Приглядевшись, я разобрала в комках плесени очертания чайных ложечек и блюдец. Кое-где среди кипучих грибков проглядывали остатки чего-то бурого, бледнели капли коричневых потёков. Через пару лет там могла появиться жизнь настолько разумная, что дописала бы за хозяйку роман.

Блокнот, который вечно торчал у Дьяблоковой из кармашка пижамы, тоже был там. Я вытащила его из винного бокала, край которого служил закладкой, чихнула, вдохнув горько-пряные споры, и отбросила плесневую колонию на сотни поколений назад в развитии. На обложке блокнота, в длинном ряду перечёркнутых вариантов названий, последним значилось **«Тайна секретной загадки»**. Но и оно стояло под вопросом. В блокноте было сорок четыре страницы. Первую занимал пролог. На двадцать шестой была **«Глава -25»**, в которой значилось малоразборчивое:

«Она устраивает побег».

– Дьяблокова, – раздражённо выдохнула я, – из-за того, кто у меня санитар, эту гипотезу до тебя только ленивый не высказал.

– Тогда открой эпилог.

– Послушай, мне некогда.

– Он короткий. Хватит смелости?

Я сделала вид, что пролистала блокнот до конца. Роман заканчивался словом «стаканчик». Если это был стаканчик кобравицы, он не помешал бы мне прямо сейчас. А не в эпилоге.

– У меня ключ тает, – сглотнула я. – Ещё минута, и придётся тебе переписывать сюжет главы двадцать пять, или как её там. Ты дашь мне пройти?

– Ты же не собираешься назад?

– Только не в первый отсек. Норман выяснил, что отсюда можно попасть в туалет в хвосте.

– В хвосте? – переспросила Дьяблокова. И я поняла, что не каждый сумасшедший в мире видел стрекозу на пространной схеме.

– Между вторым отсеком и туалетом есть минипорт.

Дьяблокова повертела меня на месте, цапая за пижаму, всю в ошмётках Гертруды. Словно оценивала, можно ли пускать главную героиню на волю в таком виде. Было непонятно, на моей она стороне всё-таки или нет. Её манера поведения больше напоминала эксперимент по изучению всех вокруг. От затхлого, наполненного спорами воздуха её отсека меня мутило. Казалось, что косые стены падают мне на маковку, и я повторила, чеканя каждый слог:

– Ты дашь мне пройти?

– Сюжет обязывает, – она пожала плечами, и вдруг глаза её вспыхнули нездоровым блеском. – На моей планете жил один древний философ. Платон. Так вот, Платон считал, что ико-саэдр символизирует воду. Эта находка феноменальна! *Воду*, понимаешь, Эмбер?

– П-прости. Не понимаю. – Я в этом плесневелом, разрисованном шахматной клеткой аду уже с трудом разбирала собственные слова. – Это ты подкинула мне лёд?

Куски в туалете напоминали многогранники, но я плохо разбиралась в «аэдрах». По разочарованию в потухшем взгляде Дьяблоковой, ровно такому же маниакальному, каким было искрящее возбуждение до этого, я поняла, что она не лёд имела в виду.

– Тебе сюда, – розоволосая толкнула меня к скважине рядом со своим гамаком.

Поковырявшись в скважине, я вышла на свет дальнего туалета. Там было что-то не так. Не нашлось раковины. Не стояло унитазов. Ни со льдом, ни без. Куда это Дьяблокова меня выпихнула?

Зато с пола до самого потолка высилась башня из оригами. Из-за хлопка дверью сверху на меня обрушилось облако белой, сероватой, желтоватой бумаги. Лавируя среди мятых листков, по отсеку катался Сомн. Я обрадовалась ему, а он высоко хихикнул и послал в меня бумажный самолётик. Бумага скользнула по шее и больно ужалила: край порезал кожу.

– Осторожнее, Сомн, – шепнула я и приложила палец к губам.

Но он не ответил и не прекратил. Он подбирал новые самолётики и посылал, посылал, посылал их прямо в меня. Пальцы, которыми я ловила листки, уже все были в крови, но Сомн продолжал и мерзко хихикал.

– Сомн! Это же я! Прекра...

Его металлическая гусеница переехала мне ногу, я вскрикнула от боли. Сомн гнал на меня свою коляску! В его движениях не было той хрупкой деликатности. Старик проворно вертелся, направляя гусеницы мне в колени и в конце концов повалил на пол. Он рычал. Лиловые вены вздулись под жёлтой кожей. Я заметила, что у него в носу не хватало трубок, которые он поправлял на групповой терапии и днём в столовой. Казалось, что так поступал кислот, а что на самом деле? Лекарство от безумия? Я сдала назад, чтобы вернуться во второй отсек. Но обнаружила, что обронила ключ. Уворачиваясь от колюще-режущих самолётиков, в забрызганной кровью пижаме, я рыскала по полу среди кипы бумаги.

И тогда Сомн рыкнул опять и наехал на меня всем креслом. Старик весил не больше ребёнка, но его машина крепко прижала меня к полу. Рёбра стиснули лёгкие. Бумажный веер замелькал у меня перед глазами, кусал щёки, нос, губы... Я не удержалась и взвизгнула на весь бентос.

«Чиджи, маленький мой, помоги...»

В стыках зашипело. В отсеки пустили сонный газ. В сладковатых его парах последнее, что я услышала, был голос Сомна:

– Ох, бедная девочка, что ж ты так не вовремя... – продребезжал старик знакомым тембром, и я отключилась.

* * *

Меня разбудили сирена и системный вопль:

НАРУШЕНИЕ РЕГЛАМЕНТА ИНСТРУКЦИИ ПО ПРЕДПИСАНИЮ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОПЫТКАМ СРЫВА РЕЖИМА ИЗОЛЯЦИИ!

Снова в темноте. На сквозняке. Я решила, что меня обнаружили и бросили в карцер, но два голоса рядом бубнили наперебой:

– Что, проветрил? – спрашивал один. – Не запирай, ей всё равно уходить.

– Ладно, ладно, только убери этот самолётик, он слишком б-б-белый... – откликнулся кто-то.

Второй голос я узнала. Рыхлый парень, который паниковал от белого. Я приподнялась на локтях:

– Уё, это ты?

– Зачем ты забралась к Сомну, когда он не спал? Ты сумасшедшая?

Так и подмывало признаться, что, очевидно, да. Незнакомый голос объяснил:

– Сомн лунатик. Он безобидный, только когда спит, а когда просыпается – смертельно опасен. Он же везде ездит с этими своими трубками, чтобы не проснуться, не дай бог. У него там снотворное.

– А ты кто? – хрипнула я.

– Шампу, – из полусвета проступило лицо бледного эзера. – Когда ты там заорала, санитары пустили сонный газ, и Сомн пришёл в себя. То есть заснул опять. Вытолкал тебя к нам, в отсек 4. А мы вот... проветрили.

– Проветрили?..

– Вскрыли дверь в столовую, а она проходная, и газ рассеялся.

– Но как же вы вскрыли дверь? Я... у меня были ключи, но я растеряла два, а третий растаял.

– Сомн так перепугался за тебя, что дал свой ключ. Ему очень стыдно. Он хранил его для себя, но, когда увидел, что натворил, даже заплакал.

Шампу протянул мне ключ, выточенный из... зубов. Они были аккуратно обрезаны в форме гребня и скреплены магнитной проволокой. Откуда Сомн достал магнит? Наверняка из какого-нибудь движка на своём кресле.

– Ребята, я так вам благодарна. А это не вы случайно передали для меня лёд?

– Не случайно, – ухмыльнулся Шампу. – Трюфель вчера попросил Сомна, чтобы Сомн попросил меня колупнуть лёд на тренинге. Трюфель сказал, что это для тебя. Ради него-то я бы не стал рисковать.

– Но ты же эзер. А я же убийца минори.

– И я, – улыбнулся Шампу. – Я пью кровь эзеров. Насухо их высасываю, как тряпочки! Вот почему он был такой бледный и чахлый.

– Постой, а второй кусок льда, в другом туалете – тоже ты?

– Ка-Пча меня попросил, – скромно поправил розовые очки Уё. – Мы с Шампу не знали, в какой туалет ты пойдёшь, и бросили в разные.

– Так это что же, – опешила я, – вся психушка была в курсе?

– Э... Ну... Кроме Гертруды и Мильтона.

– Только, боюсь, ключ уже не поможет, – я сглотнула ком. – Слышите? Вибрации нет. Грузовая гломериды улетела. Поздно...

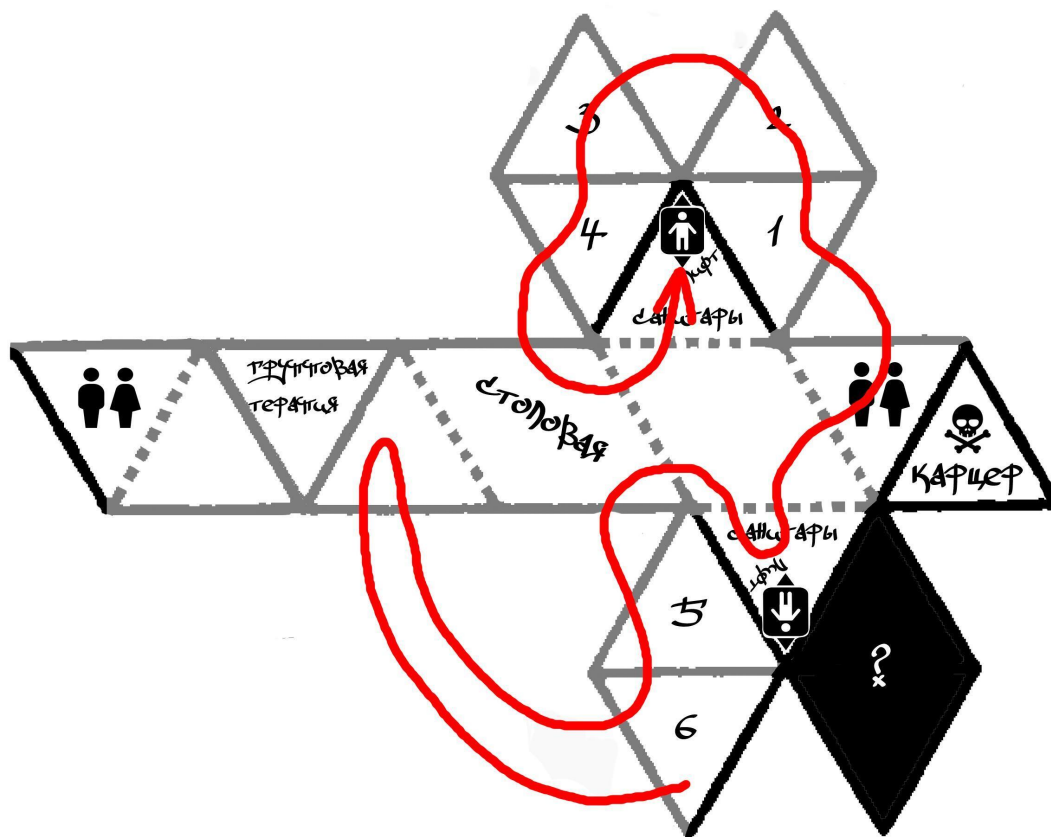
– Да нет же! – возразили хором Уё и Шампу. – Давали сигнал тревоги. Санитаров вызвали наверх, в Загородный Палисад. Они там все кого-то ловят по всей Френа-Маньяне. Гломериду не выпустят, пока тщательно не обыщут.

Значит, Трюфель сбежал. И системное упреждение касалось его, а не меня. Я поднялась, шатаюсь. Лицо и руки жгло от бумажных порезов. Я, наверное, оставляла за собой кровавой след, но в потёмках спящего бентоса капли не были видны.

– Спасибо, Шампу, спасибо, Уё. Передавайте привет Сомну. Пусть не переживает, я не в обиде.

Я скользнула в столовую, где витал сладковатый запах рассеянного сонного газа. И заперла за собой дверь зубным ключом. Он был гибкий, но идеально входил в скважину, не чета ледяным. Пройдя столовую насквозь, я заглянула во второй лифтовый холл, из которого сбежал Трюфель. Там на полу валялись куски фольги и стоял Вион-Виварий. Он весь дымился от злости и распекал санитар Трюфеля, саблезубую рыбу. Над ними порхал незнакомый санитар-скат, который методом исключения отвечал за Гертруды.

Зато в первом холле было пусто. Я тяжело прокрадась туда по-пластунски, со странным ощущением после обморока, будто пол поднимался в гору. Планируя побег, я вовсе не предполагала, что маршрут обернётся вот так:

Зубной ключ с клёкотом пережевал штифты в замочной скважине. Лифт откликнулся на вызов и приветливо отвёл дверь. Внутри я из последних сил сфокусировалась на сенсорах и выбрала кнопку со стрелкой вверх. Поехали. На полу подрагивали обрывки фольги. Такое создалось впечатление, что Трюфель убежал голым. Когда лифт остановился, я прижалась к стене, готовая юркнуть в незнакомый коридор. Дверь открылась.

И я оказалась лицом к черепу с Видрой во втором холле бентоса.

Но я ехала вверх! **Вверх!** Я ничего не перепутала, рядом ещё горела та самая кнопка со стрелкой. Видра был ошарашен не меньше меня, с разницей лишь в знаке сюрприза: плюс и минус.

– Так-так! – Вион-Виварий шагнул в лифт и распахнул жёсткие крылья скарабея. – А ну-ка, Эмбер, иди сюда!

Следом механический скат спланировал в лифт и хлестнул меня хвостом.

Бз-з.

* * *

Иногда (ах, Эмбер, не лги себе, с тобой это постоянно...) задним умом невероятное сознаётся очевидным. Что касалось меня, смело можно было поменять голову и задницу местами, никто бы и не заметил, да и соображалось бы лучше. А главное, своевременно. Я лежала на железной паутине карцера лицом вниз. Дьяблокова поняла, что я не понимаю. И нарочно отправила к Сомну, чтобы избавиться от глупой шчеры.

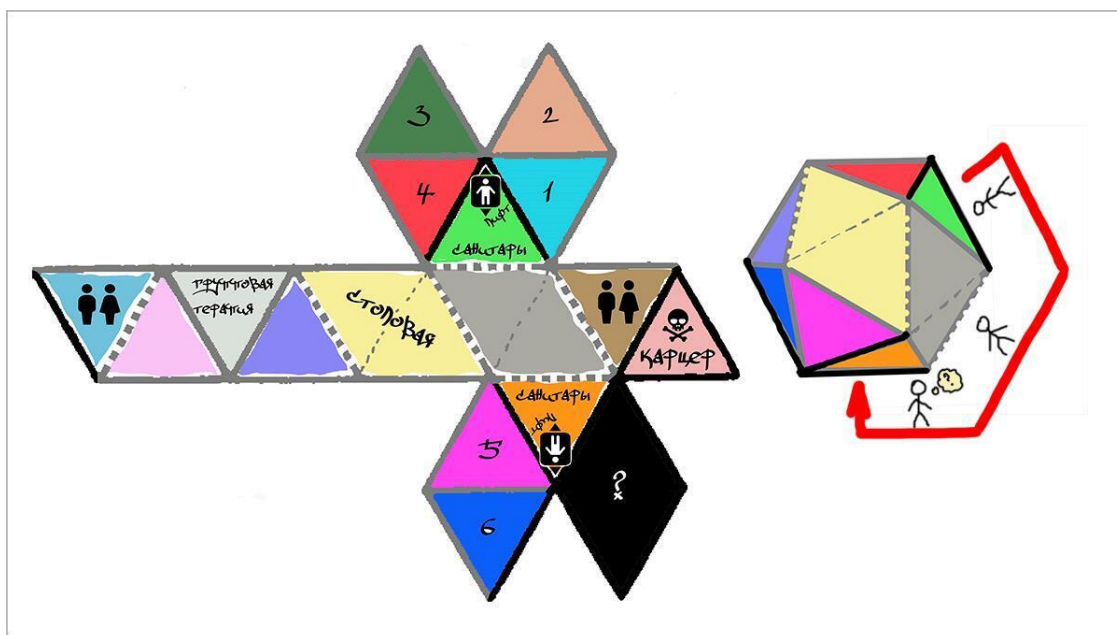
«...Платон считал, что икосаэдр символизирует воду».

И я, и Норман спотыкались, переходя из комнаты в комнату. Думали, из-за гипнотической расцветки пола.

Норман обнаружил связи между комнатами, которых там не должно было быть. А я списала их на минипорты. Умная дура.

Переползая из коридора в холл, я чувствовала, чувствовала же, что двигаюсь вверх. Но не верила ощущениям. Я всё-таки была чуть менее сумасшедшей, чем думала.

На самом деле схему бентоса следовало не распрямить, а скомкать. Потому что череда пирамидальных комнат складывалась в *икосаэдр*:

Во втором лифтовом холле я оказалась практически вниз головой относительно поверхности клиники. Поэтому кнопка, которую я приняла за выход наверх, вела туда, куда и указывала. На дно. Дверь карцера отворилась и хлопнула. Под занавес самобичевания Видра объявил:

– Скриба Кольщик!

Кай... помоги...

Глава -26. Пыхлёбка из полымяса

Днём у хибары Зеппе виднелись стелющиеся кустарники, сонные, окаменелые от мороза деревья, холмы с лысыми макушками, а вдали – полосатые скалы. С жилами грязи, гранита и снега. Но всё было исключительно в оттенках белого, серого и чёрного. Впервые оказавшись на улице после болезни, Бритц даже решил, что у него повредилось цветовосприятие. Он просто слишком долго не был на Зимаре. Дёргая дверь на себя, Кайнорт обернулся к оврагу в последний раз. Он совершил туда семь походов за двое суток. Одаривая презрением эмалированный шлем помойного ведра, спускался в овраг и вынимал из твердокаменного наста меч, сучковатый и губчатый от влаги. Без крепкой палки в руке нечего было и думать справлять нужду там, где вились охочие до голой задницы песцы. Зеппе и Нахель собирали кинетическую повозку – кинежанс – для выезда. Когда Бритц вернулся в хибару, то застал Деус колдующей над химическим эксикатором. Она держала за хвост пекловастика.

– Подкреплюсь и отправляемся, – Деус стряхнула слизь с пекловастика на пол. – Будешь пыхлёбку?

– Господи, разумеется, нет. Я надеялся, мне прибрелось, что вы этим питаетесь.

– Тогда жуй снег. Ты приел все пищевые капсулы. И не стоит недооценивать пыхлёбку. Я готовлю её так, что тысячи лет назад древние нохты устроили бы здесь резню, чтобы заполучить меня в жёны.

– В последнюю фразу следовало бы добавить «не», причём даже не принципиально куда...

Но оторвать взгляд от эксикатора было невозможно. Деус вылила туда минеральную воду и бросила пекловастика. Он крутился, нырял и в целом прекрасно себя чувствовал. Лимонная обезьянка мизинцем сняла с поверхности плёнку всплывшей слизи, и Бритц порадовался, что в этот миг Деус не видит его лица.

– Для пыхлёбки нужен щелочной бульон, а если в минеральной воде невысокий водородный показатель, то и умереть недолго.

Следом к пекловастику отправилась жирная зелёная...

– Химидия, или экспложаба, – пояснила Деус и заметила, что любопытство подтащило Кайнорта прямо за её плечо. Тем временем под крышкой эксикатора разыгралась битва. Пекловастик кусал экспложабу, а та в ответ слопала его целиком.

– Хорошенько покусанная экспложаба впитает ароматы бульона.

– Это ты придумала или Деа?

– А давай договоримся, песец, – резко обернулась Деус, – что ты не шутишь насчёт Деа, а я не выдираю тебе ноздри.

– Только наступи мне на ногу, и я пожалею Нахелю.

Бритц нащупал выгоду своего дерьмового положения, которая заключалась в том, что из-за Нахеля его тут никто, за исключением Нахеля, не смел обижать. Женщина от природы мудрая, Деус решила бороться с раздражением путём просвещения:

– Рецепт придумала я, что бы это ни значило. Сытную пыхлёбку легко готовить без костра. В брюшке у пекловастика резервуары с гидрохиноном и перекисью. А в специальных железах – каталаза и пероксидаза. Когда экспложаба глотает пекловастика, содержимое его брюшка смешивается, выделяет хиноны, атомарный кислород – и мгновенно кипит. Желудок экспложабы растворяет нежные оболочки пекловастика, и кипятки выплёскиваются наружу. Вот... вот сейчас. Сейчас!..

Она крепче прижала крышку эксикатора, и внутри прогремел взрыв. Экспложаба всплыла кверху брюхом. Она стала розовой.

– Минута, и полмясо готово, – объявила Деус. – Щёлочь в минералке нейтрализовала побочные продукты реакции. Пыхлёбка не раз спасала мне жизнь.

Она спустила вонючий газ и налила себе бульона в тигель. Потом выловила фаршированную мерзость и шлёпнула туда же. В последнее время Кайнорт старался не менять позу без острой необходимости, хотя Деус и предупредила – да он и сам понимал – что боль внезапная сильнее боли, притуплённой привычкой. Но его обонятельные рецепторы были слишком чувствительны, вкусовые сосочки слишком капризны, а фантазия слишком развита. И, пока Деус наслаждалась пыхлёбкой, он не вытерпел вида и запаха и вышел наружу.

Зеппе пригнал кинезанс, который передвигался по ландшафту почти любой сложности. Летать на Зимаре стало невозможно. Ещё бы: магнитные поля свихнулись вместе с шамахоном, который за них отвечал. Тогда Зеппе собрал кинетический механизм со множеством суставных сочленений, эдакий комплекс взаимосвязанных трубочных ходулей с рулевыми парусами. Уж чего-чего, а ветра на Зимаре было предостаточно. Над шагающим механизмом помещалась лёгкая кабина на четверых. Простенький стартер приводил в движение систему ходулей, они перекачивали коленки одна за другой, ступали хоть по камням, хоть по глубокому снегу. Паруса заталкивали ветер в пневматические накопители, а те корректировали направление поворота и помогали на подъёме. Кинезанс почти невозможно было завалить, а ходули шагали тем быстрее, чем сильнее бесновалась метель. Зеппе в своём в давленом, потёртом шлеме погладил кинезанс и похлопал по крупу, словно скелет крылатого коня.

– Пора. Пора... – он постучал по древним часам, которые болтались на впалой груди. – Пока солнце не сорвало снежную шаль с острия кряжа Тылтырдым. Иначе она зашорит нам обзор.

– Странный циферблат у тебя, Зеппе. На нём сразу все цифры.

– А-а, – хрипло усмехнулся старик и погладил часы. – Это древний, аналоговый. Сейчас уже никто не ориентируется по стрелкам. Но знаешь, так время видится шире: и вперёд, и назад... можно остановиться и подумать о прошедшей минуте, или о будущей. Время течёт медленнее, особенно когда есть секундная стрелка. Для старика лучше нет аналогового циферблата. Стрелка касается тебя, гладит на каждом витке. Когда времени уже осталось не так много, хочется острее прочувствовать его ход. А что электронный циферблат? На минуту отвлёкся – и пропала минута, будто и не было её никогда.

– Я думал, мои инженеры самые талантливые, – сказал Бритц, делая себе пометку научиться определять время по стрелкам, если, конечно, ему посчастливится занять это время. – Но твой кинезанс восхитителен, как живая сказка.

– Это ещё что. Вот была у меня одна машина... Он... это был он, так вот он был мне как сын. Мой лучший проект. Я собирал этого робота пятнадцать лет, отрывал от себя лучшее. Как же его... никак не вспомню, как же я его называл... В честь... в честь... нет, не помню. А потом его забрали у меня. Потому что он был слишком правильный робот.

Лица Зеппе не было видно, но его голос дрожал гордостью и горечью. Деус прикончила пыхлёбку и растряхивала свою шапку-дуршлаг на пороге хибары:

– Давайте все на борт. Нам предстоит добраться к самому узкому месту кряжа Тылтырдым, где ждёт Фибра со своей машиной. Это наискосок градусов на двадцать во-он туда. А прямо – зона экстремально низких температур. Хоть там и экватор, но это аномально холодное место даже для Зимары. Так что путь лежит через пустыню Манырсу. Важно пересечь её до того, как небо закроет шаль, потому что ориентироваться придётся только по звёздам. Приборы шалят.

Она взглянула на Кайнорта, который был так бледен, что даже волосы из жемчужных, какие преобладали у минори, стали призрачно-ледяными. На фоне снега казалось, что он стоит вовсе без головы.

– Манырсу? Там полно ориентиров.

– Н-да? Насколько мне не изменяет эйдетическая память на карты, пустыня гладкая, как койка новобранца, и пустая, как...

– Как пустыня? – сквозь зубы подсказал Бритц. – Ты ошибаешься.

Деус подошла и нацепила на мраморного истукана тёмные очки, пока он не ослеп. Альбеда на Зимаре достигало ста процентов.

– А давно это у тебя с глазами?

– Красные?

– Нет, светятся. Прямо сквозь очки видно.

Кайнорт сорвал их и заглянул в отражение на линзе. Дело было не в когтях Зимары. Ему ещё дома казалось, что белые радужки стали ещё белее. Он смутно представлял, что это могло значить. Как и оттенок кожи, похолодевший полгода назад. Изменившийся аппетит на кровь и много чего ещё. Кайнорт до последнего откладывал звонок дяде Нулису, чтобы расспросить... Но теперь это было так не вовремя!

– Это чтобы тебя лучше видеть, деточка, – буркнул он.

Они вчетвером погрузились в кинезанс, а ящик со всем необходимым для ремонта шагал в кинезансе поменьше. Вдвоём большой и малый кинезансы напоминали лосиху и лосёнка, которых Бритц видел на Бране. «Детёныш» – Зеппе называл его бардачопик из-за того, что его ходули соединялись дюбелями – был лёгок для своего паруса и время от времени вырывался вперёд, прямо как любопытный зверёк. На его рёбрах позвякивал чудесный инструментарий Зеппе. За бардачопиком крался Сырок. Кайнорт только на третьи сутки заметил, что у ручного песца не было задних ног. То ли перебили, то ли таким уродился. Что ж, это кое-что объясняло: песец на четырёх лапах ни в какую не дал бы собой командовать. Сырок рыхлил наст со скоростью снегохода, волочил юркое тело и загребал хвостом, словно белёк. Чивойт, не будь дурак, вспрыгнул в кабину прямо на колени Бритцу, чему тот был не очень рад.

– Что за ориентиры, которые ты обещал, Бритц? – спросила Деус километров через двадцать. – Небо затягивает. Снежная шаль уже скрыла треть. Как бы нам не промахнуться.

– Слева, во-он там, зелёная куча, видишь?

Деус настроила окуляры. Пустыня Манырсу была страшно холодная, но абсолютно голая. Сухая. Ни снежинки не упало на её дроблёные камни с тех пор, как триста лет назад Кайнорт впервые выслеживал там маньяка. Тучи сгущались, вращались, грозились, но проходили мимо.

– Вижу кучу. Отбой, это мертвец. Всего лишь труп валяется.

– Чиканутый Димус, – Бритц кивнул останкам, будто проезжал мимо доброго приятеля. – Лет сто назад он тут сцепился с добычей и проиграл. Он не эзер, вот так и остался лежать. Приглядишься, его макушка указывает точно на север. Здесь некому его тревожить, песцы так далеко в Манырсу не лезут. А там дальше новая роза ветров.

– Опять трупы?

– Просто замечательные трупы.

Но полсотни километров спустя их ждали неприятности. Снежные наносы, паутиной устлавшие пустынные булыжники. Невидаль для Манырсу в любое время года. И дальше снег становился только гуще.

– Проказы шамахтона, – донеслось из-под шлема Зеппе. – Раньше метеоспруты облетали Манырсу по длинной дуге.

– Шпионы Зимары, – сказала Деус и покосилась на Кайнорта. – Точно тебе говорю. Зимара привязана к чёрным озёрам и выходит наружу только сквозь них, вот и завела соглядатаев. Они за тобой так и следуют, Бритц.

Бритц промолчал. Впрочем, он тоже заметил, что видит этих тварей что-то уж слишком часто. Нахель при упоминании метеоспрутов подобрался и едва заметно закусил щёку, что также не ускользнуло от Кайнорта. Но расспрашивать отморозка было не с руки. Тем временем Зеппе остановил кинезанс, потому что никто не знал, куда их теперь занесло. Сырку приказали

ворошить снег, и Чивойт с удовольствием к нему присоединился. Через час Нахель что-то заметил. Он спрыгнул с кинезанса и расшвырял наст рядом с местом, где бранианская кошка почуяла мороженое мясо:

– А это не может быть ориентиром?

Снег почти укрыл тела, но над сугробом корчились гримасы. Один труп кусал другого за нос. Бактерий в Манырсу водилось примерно две штуки на квадратный метр, поэтому синий нос иссох, но остался на месте, да и зубы противника не пострадали. Двое провалились здесь с самой первой игры Клуба. Нахель осторожно расковырял снег поглубже, обнажая пару. Мужчину и женщину. Мужчина, которого кусали, сжимал треснувший корпус линкомма. За него-то пара и подралась, обвивая друг друга руками, ногами, хвостами, рогами. Да так и замёрзла.

– Никто уже не помнит, как их звали, – сказал Бритц, – но с тех пор, как они служат компасом, какой-то бранианец в Клубе нарёк их Гордон и Трудит. Антенна линкомма направлена на запад с точностью до миллисекунды. Я сам её настроил, когда наткнулся на тела двести лет назад. Мне показалось тогда, что это кому-нибудь пригодится.

– Какой ты заботливый, – съязвила Деус. – Если сдохнешь здесь, я уложу твой хер строго на юг.

– Да хоть на луну. Я равнодушен к собственному трупу. А если серьёзно – ведь хоронить в вечной мерзлоте невозможно, а тащить трупы до Френа-Маньяны на себе – большой риск. Любой, кто забирался в пустыню Манырсу так глубоко, и сам еле стоял на ногах, а чаще был в большой беде. И, кстати, я нарушаю одно из правил Клуба, рассказывая добыче об ориентирах.

– А я открыла тебе рецепт пыхлёбки. Баш на баш.

Они преодолели большую часть пути до кряжа Тылтырдым без приключений. Кряж опоясывал Зимару по экватору. Давным-давно, когда здесь процветали древние нохты, у планеты были ледово-гранитные кольца. Со временем гравитация победила их, и кольца рухнули. Так образовался Тылтырдым. Покрытая туманами и тысячелетней пургой, Зимара из космоса выглядела как мороженный вареник. Ближе к концу пустыни повалил такой снег, что пришлось взять Сырка в кабину. Переболев песцовым токсолютозом, Бритц совсем не мёрз в холодной кабине в одном капюшоне. Хотя прядь, упавшая на лоб, оказалась покрыта льдом. Да ещё доставали снежные блохи. Шея от них покрылась мурашками. Комм нелегко было выковырять из-под куртки не теребя иглэд в грудных мышцах, но по яркому солнцу и ползучему туману он полагал, что температура воздуха рухнула под третий десяток ниже нуля.

– Минус двадцать шесть! – прозвенело из-под шлема Зеппе. – Если бы не антители к токсолютозу, мы бы и до Чиканутого Димуса не добрались.

– Вас всех тоже искушали? – Бритц знал: даже короткая встреча с песцами заканчивалась кровью.

– Нет, мы с Деус давно привились. Но твой иммунитет сильнее. Легко переживёшь минус тридцать пять голышом.

– А Нахель?

– Зимара его в висок клюнула, – Деус наклонила свой лимонный капюшон к капюшону Бритца и понизила голос. – Я знаю наперёд, *что* ты зондируешь, Бритц. Нет, тебе от него не избавиться. Нахель мёрзнет, но *она* не даст ему умереть, – и добавила, помолчав: – Кажется, он уже больше машина, чем все машины Зеппе.

Бритц кивнул, как Деус показалось, удовлетворённо. Это ей не понравилось. Пшолл дремал с тех пор, как откопал для них Гордона и Трудит. Сложил руки на груди на манер мумии и только изредка прерывал храп, чтобы взглянуть на господина. Кончик его носа стал фиолетовым, а ногти бордовыми. Бритц взглянул на свои руки без перчаток: как всегда белые с прожилками вен, но тёплые.

– Сигнал! – встрепенулся Нахель.

В пурге у подножья Тылтырдыма мерцали фонари. В бугре изо льда и мёрзлой грязи застряла носом машина Фибры. Конусный бур три метра в основании и семь метров в длину. Внутрь вела круглая дверь, крепкие лопасти с твердосплавными напайками обвивали корпус частой спиралью. Спереди и сзади к буру крепились гусеничные траки, короткие и довольно хилые по сравнению с машиной. Зеппе затормозил кинезанс, сложил его паруса, кабину и ходули, как пляжные зонтики, и с помощью Нахеля поместил в походный рюкзак. Бардачопик отправился в сумку поменьше. Эмбер обалдела бы от таких чудес кустарной механики, подумал Кайнорт и почувствовал, как от этих мыслей мозг превращается в пылёрбу. Им пришлось карабкаться на возвышение, где валялся бур. Кайнорт взмахивал крыльями, подтаскивая себя наверх. Полноценно лететь мешала боль от игльда. Нахель тащил на себе Зеппе и его багаж. Три фонаря впереди плясали, дрожали, выписывали зигзаги, но вдруг погасли, и три варежки ухватили Кайнорта за крыло. Дёрнули, потянули, втащили в капсулу.

– Ты – лорд-песец Зимары? – прогудел голос, хозяин которого прятался в лучах мощного электрософита.

– Лорд-песец? – хрипло переспросил Кайнорт. – Допустим...

У громадного детины было три руки, две правых и одна левая. Одет он был в клочковатую шубу из песцовых шкур или, скорее, из целых песцов, подогнанных один к другому жилами вкривь и вкось. Тут и там из шубы торчали рваные уши, чёрные языки и когти. Бритц хотел расспросить детину, но наглотался снега, и в тепле у него сел голос. Кофе хотелось просто нестерпимо. Горячего. С ядом чёрной вдовы.

– Я Фибра. Пойду. Помогу там.

Капсула Фибры была аскетичным убежищем: глухой, подсвеченный аварийным красным короб с гладкими стенами, обшитыми тёмным металлом. Кайнорт оживился, увидев септаграмму с одним обрезанным углом, символ, который на метаксиэу – универсальном межзвёздном языке – означал медицину. Такие нашивки носили Изи и Верманд. Панель открывалась без ключа, и Кайнорт очень надеялся на обезболивающее. Впрочем, только оно там и было. Здоровенный автошприц с одной дозой, вот и вся аптечка. Вместо надписи – графическая формула: опять межгалактический стандарт. Штука казалась одноразовой. Что за организм был у этого Фибры? Жорвелов усыпляли такой концентрацией. Бритц принялся ощупывать автошприц, но так и не разобрался, как снизить дозу. Он тяжело опустился у стены прямо на пол, потому что больше сесть было попросту некуда, и огляделся. Кроме аптечки других пометок и символов в капсуле у Фибры не нашлось.

Снаружи щёлкнуло, повалил густой пар, в его клубах возник Фибра, подпиравший старика, и Деус. У всех с бровей сыпался лёд, по щекам и шеем текло. Фибра расстегнул шубу и выдохнул целый туман с мороза:

– Перевезу вас через Тылтырдым насквозь, если заведёте кротафалк, – пробасил гигант. – День пути. А потом я домой.

– Нахель там снаружи натянет гусеницу, а мы займёмся электроникой, – сказала Деус.

В кряже были готовые туннели чуть выше, но ближайший располагался так далеко, что одна только дорога туда на кинезансе заняла бы неделю. Деус и Зеппе попытались вскрыть обшивку, чтобы добраться до коммуникаций или пульта управления, но не нашли ни стыка в литом корпусе. Только аптечку да ещё холодильник. Теперь Кайнорт подумал о Юфи и улыбнулся: вот уж кто разобрал бы кротафалк играючи.

– Карбонитрид гафния, – щупала стены Деус. – Фибра, а что, вы в жерле вулкана копали эти ваши шахты?

– На Карбо вечная мерзлота.

– А зачем в кротафалке жаропрочные стены? В нём же можно красные карлики бурить!

– Я не инженер, – в скупой и невозмутимой манере отвечал Фибра. – Я шахтёр.

– А откуда знаешь метаксизху? – спросил Кайнорт скорее на автомате, чем из интереса, но Деус послала ему красноречивый кивок за хороший вопрос.

– Кто это – метаксизху?

– Универсальный язык торговцев, рабочих, туристов.

– Нет. Это мой родной язык. На Карбо мы сроду на нём говорим.

Деус переглянулась с Бритцем, но тот ответил пустым взглядом, опять затуманенным болью и собственными проблемами. Усилиями трёхрукого Фибры удалось оторвать кусок обшивки рядом с аптечкой. Гигант был силён, как скала. Наружу проступил слой замотанных в клубки проводов с узлами датчиков. Топорщась в разные стороны, они напоминали змеиные головы. Зеппе закатал рукава и полез в проводку, как хирург в кишки. Кабели его шлема шуровали внутри, словно живые. Бардачопика выпустили из сумки, и он подавал инструменты, как заправский паж-оруженосец. Старик прижимался щекой к дорожкам микросхем, обогревал дыханием платы, слушал ток и ворковал с предохранителями. Снаружи слышался скрежет: Нахель устанавливал гусеницу на трак.

– Карбо – это ведь шахты в системе Дворфо? – уточнила Деус у Фибры, и тот кивнул. – Не думала, что там люди работают, даже не слышала, чтобы кто-то встречал шахтёра с Карбо. Чёртово местечко. Одно из немногих похуже Зимары.

– Да я привык. К холоду и вообще.

– И как вы там, довольны условиями труда?

– Не знаю. На Карбо разговоры лишние. И таблички есть: «Рой и рот закрой», «Захлопни пасть, чтобы не упасть», «Ля-ля – враг угля». Закончил смену – есть, спать. Побудка – есть, работать. Двадцать шесть витков.

– Так ведь это же лет тридцать по-здешнему, – присвистнула Деус, которой было куда меньше от роду. – Как в тюрьме.

– Они потом перевозят к себе, если план выполнишь.

– Они – заказчики? Управляющие шахтой?

– Можно и так. Они для нас – боги. Как боги. Контракт закончился – можно туда.

– Куда?

– Туда, к ним, – Фибра махнул рукой, не замечая, как Деус в немом диалоге пытается поймать взгляд Бритца, и как Бритц сверкает радужками в ответ и закрывает глаза. – Мы садимся в кротафалки, маршрут уже построен, в морозилке – пища в дорогу. Настоящая пища, а не шахтёрские капсулы. Хлеб там, мясо. И аптечка. Садимся и ждём своей остановки.

Их оборвал вскрик. Зеппе отшатнулся от проводов и выдернул кабели шлема:

– Аб-б-бляция! – выругался старик. – Плата стартера заражена перезаписывающим макровирусом! Я не стану подсоединять к ней узлы бардачопика, Деус.

– Зеппе, у нас нет другого вых...

– Он заразит малыша! Это же невозможная порча файлов!

– Чего там портить, у него три бита памяти?!

У них с Деус завязалась перепалка, и Кайнорт выскользнул наружу. Он расстегнул куртку, распахнул рубашку и прямо так, грудью наголо рухнул в сугроб. Антитела токсолютоза не давали ему замёрзнуть, но снег снимал боль лучше любого анальгетика. Объятия этого сугроба ощущались почти таким же счастьем и утешением, как и кольцо её рук возле орникоптера за баром «Таракалья». Лёжа ничком в снегу, Бритц задумался о словах Деус насчёт метеоспрутов. Зимара следила за ним, но Кайнорту не удалось выяснить, как именно. Но что, если потребуется свернуть с намеченного маршрута ради детей? Настала пора купить информацию.

Снег под ним таял. Вдали по отвесной скале Тылтырдыма карабкался Чивойт. Лёд и камень вокруг него крошился. Бритц поднялся из сугроба. Нахель, стоя на краю чёрного озера, целился в скалу и лениво разряжал в неё глоустер. На счастье бранианской кошки, близорукый Нахель промахивался с такого расстояния даже в треснувших очках, и Чивойт скакал по

выбоинам, как по ступеням. Насколько переменялся мир, с досадой думал Кайнорт, хотя и переменялся в обозримом мире один только Нахель. Но, чёрт возьми, как!..

Вездесущий метеоспрут хлестнул небо щупальцем, и лицо Бритца присыпало снежинками. Несколько, не растаяв, отскочили и заплясали в воздухе. Кайнорт покосился на Нахеля и, пока тот прицеливался, перекатился за хрустящий сугроб и исчез за кротафалком. Торопиться было чертовски больно. Снег под ногами скрипел на всю долину. Выстрелы из глоустера прекратились. Не успел Бритц сделать шаг вниз по склону мёрзлой грязи, как с другой стороны в ухо ему прилетел ледяной ком. Такой большой и так шибко, что Кайнорт упал. При попытке встать его бомбардировал второй ком: снег, начинённый ледышками. На снегу остались капельки крови из уха и носа.

– Даже не думай! – пригрозил Нахель, скользя по льду и глине.

Комок заснеженной шерсти выкатился за ним из-за кротафалка и врезался в бедро. Чивойт сделал то, на что никогда не осмелился бы на Урьюи: со всего маху боднул хозяина. Нахель покачнулся, саданул кулаком в развороте, но ударил воздух. Чивойт набычился, расставив ноги, затряс бородой и опустил рожки. Из его пасти валил пар:

– Ме-е.

Пшолл зыркнул на бранианскую кошку. Кошка зыркнула на него:

– Ме-е-е-е-е.

Чивойт ощерился и напустил на себя такой клочковато-придурковатый вид, что с ним расхотелось связываться. Нахель поправил очки и бросил третий ком льда себе под ноги. Кайнорту показалось, что жук собирался схватить его за шкурку, но Пшолл за секунду до броска отдернул руку, будто, раз программа по предотвращению побега господина была выполнена, он более не имел права касаться его. Бритц хотел сказать что-нибудь глубокомысленное и злое, но чихнул, выпустив фейерверк микроскопических капель крови. Она замёрзла в воздухе между ним и Нахелем.

– У тебя что, жорвел дери, глаза на затылке?

– А как, жорвел дери, не заметить? – голос Нахеля бряцал металлом, будто его начинили булавками. – Снежинки станцевали прямо у тебя на носу!

– Ты не мог этого видеть.

– Зимара видела.

– Это как? А ты при чём? – Кайнорт подобрал ледышку и приладил к разбитому носу, чтобы не гнусавить, а то это портило всю манипуляцию. – Послушай, Нахель, я не помню, чтобы эта помешанная запрещала тебе говорить. Может, для моего же блага стоит посвятить меня в подробности? А то в другой раз ты мне хребет перешибёшь.

– Просто не нарывайся.

– Я просто шёл в туалет.

– Ты *подозрительно* шёл, – прорычал Нахель.

– Я *подозрительно* шёл в туалет?

Нахель помолчал и, по здравом размышлении взвесив шансы Бритца на реальный побег против нелепой смерти в уборной, сдался. Просто потому, что нелепая смерть в тот момент была написана у него на лбу.

– Когда снежинки метеоспрута касаются тебя, Зимара видит твоими глазами. Каждая снежинка – пиксель. Чем гуще снег, тем лучше видимость. Вместе с Зимарой вижу и я. В общих чертах.

– Ясно. Теперь ты дашь мне закончить то, ради чего я подозрительно укрылся здесь?

– Используй эту информацию для своего блага, лорд-песец, – сухо посоветовал Нахель и потёр висок, на котором блестел след поцелуя Зимары. – Это значит, не совершай резких движений. И не считай себя умнее шамахтона, это просто смешно. Или хитрее Деус. Или сильнее меня. Ты – фигура номинальная, как шахматный король. А королю главное что? Ограничить,

не спускать глаз и не давать рыпаться. Потому что ты ни в чём не превосходишь любого из нас, кроме... ну, разве что бардачопика. Просто не пытайся взломать эту игру – и всё будет хорошо.

– Хорошо, – нейтральным эхом отозвался Бритц.

Потом он остался один. Естественно, не собирался он никуда бежать. Но в этих местах разменной монетой в торговле сведениями служила кровь. И, по мнению Бритца, Нахель сильно продешевил. Может быть, жук и вызубрил правила Зимары-шамахтона. Но Кайнорт знал порядки Зимары-планеты целиком. Умбрапсихолог привык разбираться в помешанных куда лучше, нежели они сами в себе, человек ли это или чудовище. Пусть не физически, но ментально Бритц начал приходить в форму. Он шёл напролом, как в старые добрые времена, даже если ломать приходилось себя самого.

Ветер заносил сухим снегом гладь чёрного озера. Кайнорт забрался на пригорок и всмотрелся в лёд, как на жидкокристаллический экран. Нахель уже покинул берег, метеоспруты исчезли. А в чёрной воде проступил узор. Или не в воде? Разобраться в такую погоду было сложно. Бритц сделал фото на комм, чтобы перенастроить яркость и резкость, после рассмотрел поближе:

Игроки Клуба и раньше находили следы древних ногтей. Геоглифы, петроглифы, окаменелые механизмы угасшей цивилизации. Иногда фигуры выдалбливали прямо во льду, тогда

их называли глезоглифами. В основном нохты воспевали песцов на разный лад. Но изображения на ледяной корке озера – чёрного озера Зимары – Бритц увидел впервые.

Переведя дух, он вернулся в кротафалк в поисках съестного. Холодильная камера нашлась рядом с аптечкой. Будто после обеда непременно понадобилось бы противоядие. Зеппе и Деус так и не пришли к общему знаменателю и бодались удохлого стартера, так что Бритц достал из морозилки свёрток. Там остались ещё несколько.

– Лорд-песец, не надо! Не открывай! – оживился Фибра и замахал тремя руками.

– Ты что здесь, расчленёнку хранишь? – буркнул Бритц.

– Положи!

Эзер устал с дороги, нос ещё кровоточил после беседы с Нахелем, и ко всему прочему они теряли время на препирательства. Кайнорт уже знал, что Зеппе не внемлет доводам рассудка, и что они, вероятно, опоздают на Маскараут Карнаболь. Так ему ещё и поесть теперь не дают! В ответ на невинную шутейку о расчленёнке Фибра уронил три руки, как плети, и так побагровел, что Кайнорт склонил голову набок. Как терьер, взявший след. Он немедленно развернул пакет.

Там была женская кисть. С нетрудовым маникюром, холёной ладошкой, колечком и всем таким прочим. Бритц моргнул. Потом ещё раз моргнул.

– Фибра, Фибра, – он зацокал языком. – Не знаю, огорчаться ли по поводу того, что растерял хватку и посчитал тебя единственным нормальным на Зимаре, или радоваться, что теперь наконец нам есть из чего сварить мясной суп.

– Это не!.. – ошарашенно задохнулся шахтёр. – Это не мясо! Это Зая.

Деус и Зеппе прервали спор. Следующие пять минут Деус вытаскивала свёртки из морозилки и разворачивала. Пол кротафалка, словно в анатомическом театре, устлала останки пышной красотки.

– Зайчатина ненатуральная. Это секс-бот, – хмыкнула Деус, сминая в руках левую грудь и правую ягодицу. – Фибра, зачем ты её распотрошил?

– Раз в сезон всякому, кто выполнил план, полагается два часа на утеху. У нас было три бота на всех. Лапочка, Душечка и Зая. Я... я всегда перевыполнял план на всякий случай. Тогда можно было даже выбирать, кого... Зая была со мной ласковее двух других.

По лицу Фибры, в которое вмёрзла покорная сосредоточенность, теперь блуждало смущение. Когда пришло его время покидать Карбо, он выкрал секс-бота и разобрал, чтобы втиснуть в морозилку. «Зая должна увидеть курорт!» – повторял он. Чтобы спрятать безбилетницу, Фибре пришлось пожертвовать припасами. Он освободил холодильник, а чтобы не умереть с голоду, запасся старыми пищевыми капсулами.

– Вот, – он нежно подобрал голову Заи, разжал ей зубы, пощекотав за ушком, и достал блистер с капсулами.

Кайнорт взял блистер с намерением отобедать, пусть даже Фибра хранил бы капсулы у Заи в фице. Шахтёр заворачивал части тела любимой обратно в кульки и пихал в морозилку. Голова тем временем открыла голубые глаза и закусила нижнюю губу, полнокровно-румяную среди живых бледных:

– Фибра, ненаглядный, а мы скоро приедем?

– Вот ужо починимся, и на курорт... – приободрил её Фибра, глядя по щеке.

– Почему ты так долго меня не навещал?

– Милая, я... ты же в таком виде... Как бы мы бы...

– Глупости. Мы могли бы сделать это, и не собирая тело целиком!

– Ух ты, Зеппе! Зеппе! – Деус ткнула в висок Заи коготком и от волнения раздула лимонный капюшон за ушами. – Ты смотри-ка, здесь у неё типовые порты. Примерь свои кабели.

Зеппе попробовал и возликовал. В голове у Заи вирусов не водилось. Используя её порты в качестве переходника, старик подключился к бортовой системе кротафалка. Машина взревела, на подножку вскочил Нахель, за ним юркнули Сырок и Чивойт. Поехали. Деус презгливо

косилась на Бритца, который выколупывал пищевые капсулы и глотал с таким наслаждением, будто дегустировал слабосолёную икру:

– Как ты можешь *это* есть? Да в её глотке чего только не побывало.

– Да что ты говоришь, – невнятно пробормотал Кайнорт, раскусывая капсулу. – Чтобы дама – да использовала рот не по назначению? Ты хочешь сказать, она в него ещё и ела? Фу.

– Я бы попросила, *уважаемая*, за гигиеной *своего* языка следить! – огрызнулась из морозилки голова Заи.

Из-за особенностей настройки секс-бота бур кротафалка почему-то тянуло налево. Он заурчал, вгрызаясь в обледенелый кряж, и втянул гусеницы, как шасси. Сытый Кайнорт блаженно откинулся на металлическую стену. Радужки светили сквозь тонкие веки, на коже проступали сосуды. С самого первого вечера в хибаре Зеппе он только раз ещё пил кровь. Хотя это было неудивительно: ведь после крушения он больше не мог превращаться и тратил меньше энергии. Но всё-таки раньше он жаждал крови сильнее.

– Я тут обнаружил кое-что, – Бритц вспомнил про глезоглифы и передал Деус изображения песцов из чёрного озера. – Это может иметь отношение к игре шамахтона.

– Ай, молодец! Думаешь, нам достался кусочек загадки? Дай-ка подумать... Это может быть частью карты, которая ведёт к алмазной жиле. К сердцу Зимары. Тогда мы уже на шаг впереди Клуба.

– Мы ещё не знаем, кого они выставят против нас. Вряд ли девчонку, старика с кальмаром на голове, секс-бота и кошку на катафалке. Мы точно проиграем в силе, Деус, так что надеюсь, ты разберёшься в карте быстрее, чем команда других сумасшедших. Чтобы убить их всех, как того пожелала Зимара, нужно опередить их и встретить там, куда они придут уже измотанными и в неполном составе.

Он опять прикрыл веки, греясь между клубочками Чивойта и Сырка. Глядя на него, Деус в который раз подумала, что правду ей частенько говорил Зеппе: феноменальная память и острый ум – совсем не преимущества на Зимаре. Лимонная обезьянка была ещё слишком молода. Дранный и раненый, лорд-песец был опасен и живуч, как крыса в углу. А опыт, полученный его путём, был актуальней и упорядоченней, чем тот, что черпался из справочников. Практика, вечно недооценённая теорией тонких материй, была лучше приспособлена к реальной жизни. К тому же Деус помнила, что за цветными носками и дурацкими шутками скрывался доктор наук. Гуманитарных, фыркнула про себя лимонная обезьянка, но всё-таки. Его труды неспроста категорически запретило Бюро ЧИЗ. Деус знала количественно больше фактов, да. Но эзер видел насквозь всё, что знал. Деус его побаивалась. Она понимала, что неплохо бы ей занять свой собственный вариант плана, который исключал бы творческие флуктуации идей Кайнорта Бритца, как всякому уравнению идёт на пользу исключение нестабильной частицы. Потому что Бритц в её модели мироустройства был квантом: выпустишь из поля зрения – и гадай, кто он, что он, как он и где он.

Глава -27. Скриба Кольщик

В карцере было темно, душно и пахло страхом. Тем сортом холодного пота с букетом крепкого адреналина, который ни с чем не спутать. Я лежала, распятая ничком на стальной паутине. На этот раз не одна. От тревоги, провальной досады и ожидания неизвестного я не чувствовала даже боли от переплетений гамака. Язык, присохший к нёбу, прикусывали клацающие зубы. Меня не избили, не отвели на анимедуллярный ляпискинез. Наказанием стал Скриба Кольщик. Вот уже пять минут он возился в самом тёмном углу, но я, как ни выворачивала шею, не видела, что он там делает.

Я вдруг поняла, что чувствуют букашки на булавке энтомолога. Послышался шорох, потом лязг, и на свет вышло нечто. Обёрнутый в клеёнчатый фартук дылда с серой, бугристой кожей. Сосудистые звёздочки густо покрывали его лоснящееся влагой тело. На лбу у Скрибы гноились швы, а на вскрытом затылке блестел купол отполированного до зеркального блеска камня. Гладкий булыжник занимал место целого мозга. Выточенный по форме полушарий, испещрённый сверкающими бороздами и прожилками. Так вот как выглядели жертвы ляпискинеза. От ужаса я охрипла, осипла и не смогла даже пискнуть. А Скриба наклонился и стал изучать мою спину. Я сжала зубы.

Скриба Кольщик промышчал что-то, и влажная холодная ладонь прокатилась по моей коже. Тогда я закричала так, что воздух в карцере растрескался. Закричала, зная, что никто не придёт, никто не ответит. Вспомнились лапищи эзеров на краю кратера у разбитого эквилибринта. Меня стошнило желчью сквозь прутья гамака, но заплакать не получилось. Жаль, мне казалось, что стало бы легче от слёз.

Что-то взвизгнуло и зажужжало сзади.

А потом обожгло.

Невероятно, но спустя минуту я почувствовала облегчение, когда поняла, что на самом деле происходит. Скриба Кольщик татуировал меня. Не насиловал. Не сдирал кожу. Просто рисовал. Да, это было больно, садняще и жгуче, но лучше многих, многих зол. Да, я научилась сравнивать муки, взвешивать горе, ранжировать страдания. Я попыталась не трястись слишком, чтобы Кольщик реже исправлял одни и те же линии. На пол закапали кровь и чернила. Ночь продолжалась. Только холод обезболивал художества Скрибы. Я несколько раз теряла сознание, а может, просто засыпала, но ни разу машинка не перестала жужжать.

По крайней мере, я знала одного, кто за два года в тёмном подвале всего лишь капельку сошёл с ума. Теперь я знала кое-что ещё: если переживу эту ночь, никому уже не будет дела, стану ли я чудовищем. Скриба отстранился, выбирая место для нового рисунка. Духоту карцера разбавило его кислое кариозное дыхание:

– Што-о-о ищо-о-о наколо-о-оть?

– Чёрную стрекозу, Скриба, – продребезжал мой голос. – Стрекозу.

* * *

Шчеры не умели инкарнировать. Но наутро я могла поклясться, что была убита и восстала из мёртвых. Или не я... Кто-то вроде меня шёл, продираясь сквозь молоко пространства, по коридорам бентоса. На ком-то вроде меня была чистая пижама, она липла к спине из-за проступавшей крови. Наверное, у кого-то вроде меня всё болело после карцера. Наверное. Но мне это было безразлично. Как безразлично всё, что наколол Скриба Кольщик, будь то купола или таблица интегралов. Я только знала, что больше не выдержу в этой тюрьме из людей, где ненормальные, как частокол, сжимали меня в кольцо.

– На первый раз ты легко отделка, – сказал Гриоик. – Обдел... О-т-д-е-л-а-л-а-с-ь. Второе нарушение карась ляпискинезом.

Санитар привёл меня в комнату групповой терапии. Думать было так тяжело, будто мозг уже заменили на полированный булыжник. На этот раз вместо ледяных кубиков для нас расставили пять мольбертов. Из-за двух выглянули Эстресса и Сомн. Эстресса уронила кисточку, вскочила, села и опять вскочила. У бедного Сомна повлажнили глаза и задрожал подбородок. Только воображаемый Вдруг не удостоил меня вниманием. Вион-Виварий Видра уговаривал его поучаствовать в арт-терапии. Невозмутимо и тщетно. Возможно, Вдруг не считал акварель методом доказательной медицины. Я подошла к своей палитре, окунула кисточку в красную кошениль и направилась к последнему мольберту.

– Ты нарочно вытолкнула меня в отсек к Сомну, когда он не спал, – прошептала я нетвёрдо, но зло.

– Один бранианский художник говорил, – Дьяблокова выводила жутковатый портрет, как будто её не касались мои слова, – что сон разума рождает чудовищ. Наш Сомн олицетворяет эту метафору буквально наоборот. Сон этого чудовища разумен и прекрасен. Знаешь, – бормотала она, любуясь смешиванием алого с кирпичным, – чем выше разум, тем сильнее его чудовища. Чем глубже сон, тем они безумнее. Получается, когда бог спал – появились динозавры. И бог, должно быть, умер, – раз появились люди.

Она подняла взгляд карих глаз:

– И если уж мы заговорили о чудовищах, Эмбер, эту красную кошениль, что на твоей кисти, делают из насекомых. Ты рисуешь их кровью. Так не смей упрекать меня.

Я взмахнула кисточкой и послала кровавый шлепок на её мольберт. Розоволосая, вся в брызгах кошенили, вскочила:

– Ты!.. Испортила мне обложку!

– Молчать! Сидеть! Прекратить! – Видра оказался прямо за мной, я развернулась и прежде, чем он забрызгал бы меня слюной, выпалила:

– Ведите меня на вашу процедуру.

– Эмбер! – воскликнула Эстресса. – Нет! Доктор Видра, она не в себе, она в шоке! Не надо!

Я оттолкнула её кисточкой:

– Я больше не... не могу, не хочу! Ничего не хочу!!!

– Гриоик, в отсек 7 её, – отрезал Видра. – К хирургу.

К Эстрессе и Сомну подлетели их санитары и скрутили, чтобы те не бросились на выручку.

По комнате арт-терапии каталась банка красной кошенили и заливала кровью чёрно-белый пол.

* * *

Меня забросили в отсек 7, как мешок с котятками в пруд. В затылке сверкали молнии, перед глазами маячил полированный булыжник мозга Скрибы Кольщика. За плотной ширмой кто-то рывкнул:

– Санитар, вон из смотровой.

Отсек 7 был совершенно белый и просто звеняще, скрипяще чистый. Вдоль стены напротив тянулась кишка глухой капсулы для бог весть каких манипуляций. Во мне забесновались кошки. Первая в жизни настоящая истерика закончилась, и я испугалась того, что наделала, и того, о чём умоляла. Ляпискинез! Я сорвалась с места и заколотила в запёртую дверь. Мне снямут скальп, а после станут пугать мною других пациентов. Хирург приглушил основной свет и, врубив прожекторы над смотровым креслом, вышел из-за ширмы. Я прокричала в скважину:

– Я больше не буду!

– Тихо! – сзади меня ухватили за шиворот двумя руками и тремя чёрными крючковатыми лапами. – А ну-ка... уймись, иначе придётся тебя усыпить.

Пузырьки, инструменты и капсулы посыпались с этажерок. Огромный хирург сам зацепил их, пока тащил меня в кресло. Пристегнул автоматическими браслетами, как в медицинском триллере. Свет прожектора застало красным с чёрными пятнами:

– Тебя ещё не режут!

Ağa, «eñçë»!

Голова хирурга перекрыла свет, меня обволок аромат земляничного мыла. Глаза напротив расширились, крылья божьей коровки взбаламутили воздух:

– Боже мой. Эмбер Лау... Боже мой!

– Доктор Иззи?..

От удивления из меня дух вышел вон. Я обмякла. Изи мигом отстегнул браслеты и, крикнув: «Секунду!..», метнулся обратно за ширму. Он чем-то там звенел, бряцал. Потом вернулся с лиловым чаем и, видя, что я не могу разжать кулаки, сам разогнул мне палец за пальцем, чтобы вложить в них чашку.

Тогда меня и прорвало. Слезы ливнем покатились в чай. Я бормотала что-то бессвязное про Остров-с-Приветом, Альду и Кайнорта...

– Так ты и есть та убийца минори, о которой говорят наверху? И Кай мёртв? Это правда?

– Правда. Я его убила, я убила... – вдох, чтобы выдержать это имя, не захлебнуться им. – Я убила Кайнорта Бритца. Не в равном бою, не из холодной мести, не случайно... убила, когда он сильнее всего нуждался в помощи. Когда, будь он на моём месте, не сделал бы этого, пусть и ценой своей жизни... Но я не хотела!

– Как много я пропустил, – бормотал Изи, и я понимала, что он, конечно, ничего не понимает.

О кровной вражде между Лау и Бритцем знали все. Но наша битва с Каем все эти годы проходила внутри нас двоих. В умах, сердцах. И закончилась там же.

– Всё давно стало вверх тормашками, доктор Изи. Даже не пытайтесь разобраться, я сама разобралась, только когда убила. Вы... теперь должны провести ляпискинез?

Он подтолкнул мою чашку к губам и проводил осторожный осмотр.

– Успокойся, успокойся, Эмбер... Напротив твоей карты стоит пометка Альды Хокс, запрещающая любые манипуляции с мозгом. Она желает, чтобы её враги страдали, если так можно выразиться, в здравом уме. Вот только имя новенькой было засекречено! Ох, ну и дела... Да, Гриоик сказал, ты была в карцере. Тебя били?

– Нет.

— А что с рукой?

– Вион-Виварий Видра... – проямлила я, неуверенная, что вправе жаловаться тому, чьего друга убила. – Проверял на диастимагию...

– Видра урод. Эмбер, да у тебя вся спина в крови!

– А, это Скриба Кольщик.

– Скидывай всё и забирайся в «Терапайтон», вон капсула у стены. Не бойся, это терминал, который буквально вторую жизнь даёт! Я бы в нём спал. Ха-хах, если бы помещался.

Изи обрызгал руки жидкими перчатками и помахал ими в воздухе. После высыхания они стали на ощупь как латекс. Я сняла пижаму и забралась в терминал для скорой терапии и дезинфекции, устроившись спиной вверх. Изи снаружи рассмотрел татуировки на экране, а потом соскочил с места и, откинув крышку «Терапайтона», стал щипать и мять мои синяки пухлыми, но проворными пальцами, прямо как патологоанатом. Совсем некстати припомнилась его основная специализация.

– Скриба Кольщик? – доктор был ошарашен. – Вот это вот Скриба тебе начертал? Вчера ночью? И он вот это вот всё сам придумал?

– К-к-кроме стрекозы – всё сам, – внезапная перемена тона смутила и напугала меня.

Изи выпустил меня из «Терапайтона» и бросил новую пижаму. Пока я одевалась, он то подсказывал, то крутился по отсеку и бормотал. Спине было прохладно от обработки, но уже не больно. И рука больше не горела.

– Ах ты ж факус! – заорал Изи на свой рабочий комм. – Ты ж моя пропердиназа!

– Простите?

– Я... я не знаю, можно ли об этом вслух... честно говоря, это галактически важно, но я здесь никому не доверяю. А молчать не могу! Подойди-ка.

На экране крутилась объёмная модель моей спины. Скриба наколол белые, льдисто-голубые узоры, перья, ажурные разводы, словно разрисовал инеем стекло. И ярче, чем всё остальное, добавил чёрную стрекозу, крылья которой покоились у меня на плечах, а хвост спускался вдоль позвоночника. Внутри шлифованного камня бедного Скрибы томился гений. Изи увеличил стрекозу: на самом деле её хвост состоял из витиеватых цифр и других стилизованных символов.

– Это пароль от учётной записи доктора Кабошона, – пояснил доктор полушёпотом. – Славного психиатра, который работал в этом кабинете до меня. Я не был знаком с ним лично, как я считал, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.